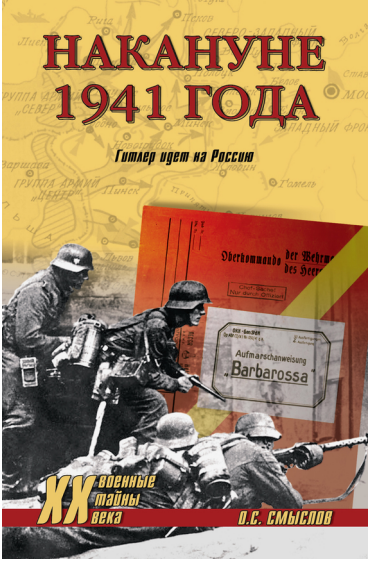




Олег Сергеевич Смыслов
Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию
Серия «Военные тайны XX века»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654997
Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию: Вече; М.; 2007
ISBN 978-5-9533-2195-2, 978-5-4444-8136-3

Аннотация

Военный историк и писатель О.С. Смыслов постарался дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, в том числе и на те, о которых так много говорят в последнее время. Например, кто развязал Вторую мировую войну? Кто помог Гитлеру прийти к власти? Почему Советский Союз заключил договор о ненападении с фашистской Германией?

А что было бы, если бы ему удалось завоевать Советский Союз? Хотя история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее такая возможность у гитлеровцев имелаась. Остаточные явления фашистской чумы XX столетия, вновь начинающие прогрессировать в XXI веке, должны быть наконец уничтожены навсегда.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	9
1	9
2	13
3	18
4	22
5	27
6	36
Глава 2	39
1	39
2	43
3	48
4	52
5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Сергеевич Смыслов
Накануне 1941 года.
Гитлер идет на Россию

© Смыслов О.С., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Вместо предисловия

*Моему первому командиру Батуренко Владимиру Алексеевичу
посвящается*



С империей Гитлера связано прежде всего массовое уничтожение людей, а также немислимый бред о сверхчеловеке, олицетворением которого был фюрер. Безжалостность и хладнокровие, с которым его элитные войска – СС – эксплуатировали и истребляли человечество у себя и на оккупированных территориях, стало при нем просто нормой. А что было бы, если бы ему удалось завоевать Советский Союз? Хотя история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее такая возможность у гитлеровцев имелась.

В апреле 1942 года доктор Генрих Пикер, находясь вместе с Гитлером в ставке «Волчье логово», как всегда, подробно записал откровения своего шефа:

«Властвуя над покоренными народами на восточных землях рейха, нужно руководствоваться одним основным принципом, а именно: предоставить простор тем, кто желает пользоваться индивидуальными свободами, избегать любых форм государственного контроля и тем самым сделать все, чтобы эти народы находились на как можно более низком уровне культурного развития.

Нужно всегда исходить из того, что в первую очередь задача этих народов – обслуживать нашу экономику. И поэтому мы должны стремиться, руководствуясь экономическими интересами, всеми средствами извлечь из оккупированных русских территорий все, что можно. А стимулировать в достаточной степени поставки сельскохозяйственной продукции и направление рабочей силы в шахты и на военные заводы можно продажей им со складов промышленных изделий и тому подобных вещей.

Если же помимо этого еще и заботиться о благе каждого отдельного человека, то не обойтись без государственной организации по образцу нашего государственного аппарата, а значит, навлечь на себя ненависть. Ибо, чем примитивнее люди, тем больше воспринимают они любое ограничение своей свободы как насилие над собой. К тому же наличие собственной государственной администрации дает им возможность в широких масштабах объединяться и при случае использовать эти структуры против нас. И самое большее, что мы можем разрешить им у себя создать из административных органов, – это общинное управление, и лишь в том случае, если это будет необходимо для сохранения рабочей силы, то есть для удовлетворения ежедневных потребностей отдельного человека.

Сообщества деревень нужно организовать так, чтобы между соседними сообществами не образовалось нечто вроде союза.

В любом случае следует избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге. Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами магических культов, мы это

можем только приветствовать, поскольку тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся.(...)

Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей.

Если русские, украинцы, киргизы и пр. научатся читать и писать, нам это только повредит. Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас. Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания.

Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории; музыка, ничего, кроме музыки. Ведь веселая музыка пробуждает в людях трудовой энтузиазм.

Что же касается гигиены покоренного населения, то мы вовсе не заинтересованы в распространении среди них наших знаний и создании тем самым у них совершенно нежелательной базы для колоссального прироста населения. Он поэтому запрещает проводить на этих территориях какие бы то ни было гигиенические акции. Принуждать делать прививки там можно только немцев.

Немецких врачей следует использовать исключительно для оказания медицинской помощи немцам в немецких поселениях. Было также чудовищной глупостью осчастливить покоренные народы, ознакомив их с нашими достижениями в области стоматологии. Но нужно действовать осторожно, чтобы эта наша тенденция не бросалась в глаза. И если кто-либо из страдающих зубной болью непременно захочет лечиться у врача – хорошо, один раз можно сделать исключение.

Но самое глупое, что можно сделать на оккупированных территориях, – это выдать покоренным народам оружие. История учит нас, что народу-господину всегда была суждена гибель после того, как он разрешил покоренным им народам носить оружие. Можно даже сказать, что выдача оружия покоренным районам – это непереносимое условие гибели народа-господина.(...)

Оккупированные восточные территории должны быть покрыты сетью военных баз. Все немцы, проживающие на этом пространстве, должны поддерживать личные контакты с ними, то есть быть с ними лично связанными. В остальном же они должны являть образцы строжайшей дисциплины и четкой организации...»

С тех пор прошло более шестидесяти лет. И вот теперь уроки истории катастрофически забываются.

«Сегодня в нашем «обществе происходит размывание понятий “фашизм”, “нацизм”, “национал-социализм”, – комментирует результаты исследования президент фонда “Общественное мнение” Александр Ослон. – Идет процесс размывания негативного отношения к этим понятиям как к глубочайшим антиценностям. На протяжении десятилетий после Великой Отечественной войны фашизм был для всех синонимом страданий, горя, мук и гибели близких. Сейчас это уже не так».

Еще в 1997 г. Мосгордума приняла Закон о запрещении распространения и тиражирования нацистской символики. А в 2002-м появился Федеральный закон об экстремистской деятельности. Тем не менее в последнее время фигура Гитлера становится одной из самых популярных в российском обществе. Активизировалась деятельность так называемых скинхедов.

Социолог Александр Тарасов, изучающий субкультуру скинхедов, считает, что за последние 3–4 года их количество в России увеличилось на 70 %. Но знают ли эти юнцы, что на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тысяч концлагерей? Узник, продолжительность жизни которого в лагере составляла менее года, прино-

сил нацистам почти полторы тысячи рейхсмарок чистой прибыли. За годы Второй мировой войны через лагеря смерти прошли 18 миллионов человек, из них 5 миллионов – граждане Советского Союза.

Знают ли они, что накануне дня рождения Гитлера Германия объявила о своем соглашении сделать общедоступными архивы холокоста? В этих документах содержатся данные о судьбах более 17 миллионов жертв нацизма. До сих пор эту информацию могли использовать только сотрудники Международного Красного Креста!

Вот уж действительно, прямо как по Гитлеру: «музыка, музыка, ничего, кроме музыки» и никакого «приобщения к некоторым историческим знаниям...» Но разве нас не может не пугать то обстоятельство, что внуки и правнуки солдат-победителей, заплативших за нашу великую победу обильно пролитой кровью, предадут своих дедов и прадедов? И это не просто проблема, а надвигающаяся великая катастрофа, спасти от которой может только многолетнее лечение объективным восприятием исторической истины.

Такое стало возможным потому, что нынешняя молодежь абсолютно не знает, что же хотел сделать с их Родиной, с их Отечеством Адольф Гитлер. Россия не просто подлежала уничтожению. Готовилась почва для полного «изведения славянства»: «100 миллионов человек (к чему мелочиться?) обрекались на смерть – мгновенную либо затяжную».

Нынешняя молодежь весьма слабо себе представляет, как все это было, когда родились эти планы в его сумасшедшей голове, как происходила подготовка к вторжению в Россию. Не знает она и многое, многое другое. Но, зачитываясь «Майн кампф» Гитлера, а также крапленным «Ледоколом» Резуна (Суворова), она с помощью лжи этих книг, претендующих на некую истину, все больше и больше пропитывается ненавистью и презрением к прошлому своего Отечества, а также к людям других национальностей. Молодежь как губка впитывает кем-то изобретенную и подкупающую своей простотой совершенно иную историю Великой Отечественной и вообще Второй мировой войны, чтобы никогда не узнать истины, а если все же доведется столкнуться с ней, то отмахнуться и не верить.

В сборнике своей избранной публицистики русский писатель и ветеран Отечественной войны Борис Васильев, написал про знание и понимание нашей с вами истории буквально следующее: «Если литература появилась на свет для воспроизводства нравственности ЛИЧНОЙ (а совсем не для приятного времяпровождения), то история – и только история – есть могучий и постоянный источник воспитания нравственности СОЦИАЛЬНОЙ. Уберите ее из школьных программ, перестаньте восхищаться деяниями исторических героев, сорвите с них венцы героического примера для подрастающего поколения, и вы в конечном итоге весьма скоро (что мы и покажем впоследствии) получите народ, лишенный исторической памяти. Народ, который окажется способным ценить и защищать только место своего обитания. Свою землю, то есть принадлежащую лично ему географию, которую во всех странах мира именуют родиной, но не свою самобытность.

Вы получите народ без отечества, народ, состоящий из ущербных сирот, готовых уступить любому агрессору свою землю, если этот агрессор гарантирует, что не прогонит вас с насиженного места...» Пожалуй, лучше и не скажешь!

Перед вами – книга, в которой я постарался дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, в том числе и на те, о которых так много говорят в последнее время, а именно: кто развязал Вторую мировую войну? Кто помог Гитлеру прийти к власти? Почему Советский Союз заключил договор о ненападении с фашистской Германией?

Я писал ее только с одной целью: чтобы те, кто не понимает, все-таки поняли, что отголоски фашистской чумы двадцатого века, вновь начинающие прогрессировать в двадцать первом веке в России, должны быть наконец уничтожены навсегда. При этом ни на миг нельзя забывать, что враги нашего отечества никогда не желали ему добра, а значит, уже только поэтому их книги не могут считаться объективными. Мы не имеем права верить их

лжи, которая всегда преследует свои определенные цели, и уж, конечно, пишется она отнюдь не во благо нам!

Глава 1

«Ледокол» Резуна по «нотам» Гитлера

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией в России книг В. Суворова. Хотя эти работы написаны в жанре исторической публицистики и представляют из себя некий «слоеный пирог», когда правда мешается с полуправдой и ложью, они довольно четко очертили круг наименее разработанных в историографии проблем.

М.И. Мельтюхов

1

Жил да был в Германии (умер 8 февраля 2002 г.) военный историк Иоахим Гофман. Из 71 года своей жизни 35 лет (с 1960 по 1995 г.) он проработал в исследовательском центре военной истории бундесвера, где специализировался на русском «освободительном» движении и на антисоветских формированиях, созданных из граждан СССР во время Великой Отечественной войны.

Последние годы жизни Гофман был научным директором центра. В 2006 г. российский читатель мог запросто ознакомиться с его очередной книгой «Сталинская война на уничтожение», которая была опубликована за рубежом еще в 1995 г. (переиздана четыре раза) как «подарок» к пятидесятилетию победы над фашизмом.

Что же нам пытался в ней поведать такой авторитетный немецкий военный историк?

Во-первых, что Сталин долго готовился к войне против Германии, а затем реально осуществил ее как «истребительную и захватническую». В отличие от него Гитлер придал своей военной кампании против Советского Союза всего лишь черты расового противоборства. В частности, И. Гофман пишет: «Уже в силу огромного и все быстрее нараставшего превосходства Советского Союза в вооружении, особенно в танках, самолетах и артиллерии, над войсками вермахта, рассеянными теперь по всей Европе, июнь 1941 года представлялся последним возможным сроком, когда вообще еще можно было вести превентивную войну. Всякое дальнейшее выжидание должно было свести на нет и единственное преимущество немцев – их лучший уровень профессиональной подготовки. Из последних находок советских документов мы сегодня знаем, насколько далеко уже преуспели в действительности развертывание Красной Армии и ее подготовка к войне. По всей видимости, Сталин перенес срок нападения с 1942 г. на июль – сентябрь 1941 г. И это объяснило бы также, почему он, не опасаясь, в конечном счете, немецкого нападения, с целью завершения собственной подготовки хотел еще немного оттянуть начало войны, пусть на “несколько недель”, “хотя бы только... на месяц, неделю или несколько дней”. Российские исследователи сегодня тоже приходят к выводу, что военные действия против Германии могли начаться в июле 1941 г.

Что касается немцев, то от них остались скрыты подлинные масштабы силы Советской армии, хотя они, конечно, регистрировали явную подготовку к нападению на своей восточной границе. Однако после 22 июня 1941 г. немецкие командные структуры были поражены потенциалом противника, на который они натолкнулись к востоку от границы. Известны высказывания Гитлера, которые подтвердил в своих дневниках и имперский министр пропаганды д-р Геббельс, что решение о нападении далось бы ему еще гораздо трудней, если бы он заранее знал полные масштабы силы Красной Армии. Впрочем, оставим фантазии

представить себе, что произошло бы с Германией и другими европейскими странами, если бы Гитлер 22 июня 1941 г. не дал сигнала к нападению и вместо этого, напротив, Сталин смог повести запланированную им истребительную войну».

Во-вторых, немецкий историк утверждает, что «партнерство и пособничество Сталина и Гитлера проявилось не только в том, что Советский Союз был активным соучастником насильственного преобразования межгосударственных отношений в Восточной Европе, но и в том, что он оказал активную политическую, экономическую и военную поддержку Германскому рейху в его борьбе с западными державами. Помощь немцам в ведении морской войны против Англии, саботаж военных усилий Франции, предпринятый по указке Москвы Французской коммунистической партией, безоглядное стремление советского руководства санкционировать с позиции международного права положение, созданное в Европе успехами оружия Германии, и наконец гигантские стратегические экономические поставки рейху – все эти события уже достаточно известны, и о них нет нужды еще раз говорить в этом месте». Однако такая реконструкция нашей истории сама по себе уже не является открытием. Как известно, еще в 1993 г. (возможно, к шестидесятилетию прихода Гитлера к власти) Гофмана опередил своим «Ледоколом» так называемый «Виктор Суворов», а точнее – Виктор Резун, или, проще говоря, бывший советский капитан Резун, он же предатель. Именно Резун впервые попытался доказать всему миру, что Советский Союз – главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны. Обращаясь к русскому читателю, в частности, он пишет: «Советский Союз – участник Второй мировой войны с 1939 года, с самого ее первого дня. Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали, и с того самого момента началась “Великая Отечественная война”». Его попытка убить национальные святыни великого народа – не что иное, как бред убежавшего на Запад младшего офицера, который возомнил себя на чужбине по меньшей мере полководцем.

Примечательно, что сам по себе миф о превентивном нападении Германии на Советский Союз появился сразу же по окончании Второй мировой войны. Об этом можно судить по многочисленным «трудам» генералов, офицеров и чиновников Третьего рейха. Кстати, их тогда можно было понять, потому что никаким иным образом оправдать свое участие в подготовке и проведении плана «Барбаросса» они не могли. При этом следует отметить, что и спустя 20 лет после Второй мировой войны, т. е. в 60-е гг., в ряде работ (принадлежавших опять-таки немецким авторам) «настойчиво проводилась идея об агрессивности Советского Союза, готовившейся с его стороны экспансии, первым актом которой стало подписание пакта 1939 г.». Но проходит еще 20 лет, и в 80-е – начале 90-х годов на Западе (в основном в Германии) снова то и дело предпринимаются попытки «реанимировать версию о превентивном характере войны Германии против Советского Союза».

В книге «Ледокол из “Аквариума”. Беседы с Виктором Суворовым» (автор Д. Хмельницкий), российскому читателю представлена копия выписки из экзаменационных ведомостей к диплому Киевского высшего общевойскового командного училища за 1968 г. В ней сразу же бросаются в глаза отличные оценки (15 из 16). Мол, смотрите, каким я парнем был! Особенно забавляют оценки «отлично» по политэкономии, истории КПСС, марксистско-ленинской философии и партийно-политической работе. Словом, перебежчик предстал перед новыми хозяевами не просто отличником, а грамотным коммунистом. Но сегодня это выглядит скорее дешевым трюком из арсенала советской эпохи. Теперь, конечно же, Резун может заявить, что неустанно осваивал эти предметы с умыслом: чтобы потом как бы на высоком профессиональном уровне разоблачать Советскую армию и Великую Отечественную войну. Но лично я в это никогда не поверю. Он рвал свою задницу за отличные оценки совсем по другому поводу. И теперь он волен пускать пыль в глаза. Но ведь это же пыль! На то она и рассчитана.

Мне же вспоминается одна история, рассказанная много лет тому назад майором, уволенным в запас. Дело было в 1980-е гг. в Забайкалье, в одном богом забытом авиаполку. Некий летчик, молодой лейтенант, написал письмо в ЦК КПСС. Естественно, оно тут же было перехвачено и внимательно изучено еще в местном райкоме. И вот однажды представители этого райкома вместе с замполитом авиаполка решили провести молодого и, видимо, перспективного офицера. Приходят они вечером в гостиницу, идут по коридорам, проходят мимо офицеров и прапорщиков, играющих в карты, и, как правило, употребляющих спиртные напитки. Вот наконец и нужная дверь. Открывают ее, и перед так называемой «комиссией» предстает следующая картина: в темной комнате письменный стол, чуть ли не покрытый зеленым сукном; на нем горит настольная лампа, аккуратно лежат тома полного собрания сочинений Ленина. А за столом – сам хозяин, молодой человек с задумчивым видом. В руке у него (конечно же, не в мозолистой) – перьевая ручка.

– Разрешите? – почему-то волнуясь, спрашивает замполит полка и успевает сделать твердый шаг вперед, но тут его останавливает взволнованный голос хозяина, срывающийся на крик:

– Вы что, не видите? Я работаю! – При этом лейтенант не перестает что-то записывать в свою «амбарную» тетрадь.

Складывается такое впечатление, что этот молодой офицер точно так же писал свой «Ледокол», но только более честным путем, не предавая при этом Родину. Правда, за это его отправили в психушку, однако там, ко всеобщему удивлению, признали совершенно здоровым. Более того, после психушки лейтенант продолжал летать! Но это так, к слову...

На первых порах «Ледокол» воспринимался как дерзкая книга. Это действительно был вызов обществу, но прошло время, и книга практически выветрилась из голов обывателей, выдохлась в кратчайшие сроки. Прежде всего это произошло потому, что Резун оперировал лишь общеизвестным и общедоступным материалом, сведенным в некую универсальную концепцию. Но история, написанная на таком материале, не может быть истиной – хотя бы по той причине, что она объективно не научна.

Бывшему советскому капитану, в прошлом отличнику политической подготовки, видимо, неизвестно, что основная часть мемуарной литературы, на которую он опирался, была написана не самими авторами, а так называемыми «литературными неграми» и литературными редакторами, обработчиками. Порой это были не только люди в погонах, но и сугубо гражданские работники. При этом и те и другие, как правило, в Великой Отечественной войне участия не принимали. А написанное ими за авторов нередко разительно отличалось от первоначального авторского замысла. Ведь не секрет, что такие авторы были людьми не слишком грамотными с литературной точки зрения. К тому же нужно сделать скидку и на возраст. Воспоминаниям-то предавались обычно седые дедушки... Не стоит забывать и о том, что все эти книги проходили через обязательный идеологический контроль. При этом, чем выше были должность и звание автора, тем более жестким он становился. Не можем мы исключить и то обстоятельство, что большинство секретов войны авторам «выдавать» еще было нельзя. Существующая цензура абсолютно не располагала к исторической объективности, а серьезно размышлять категорически запрещалось.

Следовательно, Резун свое зрение потерял совершенно напрасно, составляя «Ледокол», по сути, из художественных кусочков, умело выщипанных из мемуарных текстов. Сам он до сих пор продолжает лукавить, заявляя, что ему посчастливилось совсем немного поработать в архивах Министерства обороны СССР, и он «совершенно сознательно архивные материалы почти» не использует. Все это чушь, рассчитанная на несведущего в подобных делах читателя. В архивах Резун никогда не был и быть не мог. А его утверждения о том, что они тщательно «почищены» и все что в них есть, исследователям недоступно, – обыкновенная, не подкрепленная никакими доказательствами ложь.

По моим личным наблюдениям, – а в архивах я начинал работать с 1992 года, – очень многие документы пылятся на полках, десятилетиями оставаясь неизученными. Но даже некоторые из них способны очень легко опровергнуть бред бывшего советского капитана с замашками великого ученого.

Пытаясь своим «Ледоколом» совершить революцию в российской истории, Резун совершенно забыл слова одного из своих героев, а именно Адольфа Гитлера, который однажды сказал: «Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: “Я организую из Швейцарии революцию в Германии”. Это звучит слишком по-детски».

Предвоенный беспорядок в Красной армии, у которого есть как объективные, так и субъективные исторические причины, Резун использовал по своему усмотрению, поскользнувшись, как мальчишка на «подстриженной» литературе и публикациях советского периода. Его главный источник – открытые советские публикации, – не более, чем легенда для обывателя. Но на чем он построил свой карточный «Ледокол», на том он и разрушился... Ведь сказку невозможно сделать былью.

2

Сегодня у нас в России можно заметить полнейший беспредел в плане освещения военной истории. Как ни откроешь в конце многих книг список источников, так обнаруживаешь полное отсутствие архивных документов. Более того, вольные версии, искажающие смысл каких бы то ни было теоретических разработок и отдельных высказываний, напоминает, как выразился генерал армии М.А. Гареев, «литературное баловство». Нередко достоверность в военно-исторической литературе подменяется всего лишь занимательностью. Обыватель же все это охотно читает и верит сведениям и утверждениям, которые не просто ошибочны, но и по сути своей несостоятельны! Такое ощущение, что все у нас идет вслед за Резуном по проторенной дорожке. Сам же Резун в своей мистификации не боится равным счетом ничего. Ведь он же был в СССР отличником, а отличникам позволено больше, чем остальным.

В «Ледоколе» (1993 г., с. 324) автор приводит такой пример: «Свидетель Д.И. Ортенберг на 21 июня 1941 года занимал пост заведующего организационно-инструкторским отделом Народного комиссариата государственного контроля. Он сам описывает свою должность: “по военным понятиям – вроде начальника штаба”.

Генерал-майор Д.И. Ортенберг, вам слово:

“Иногда меня спрашивают:

– Ты когда на войну ушел?

– Двадцать первого июня.

– ?!

Да, это было так.

...Утром меня вызвали в Наркомат обороны и сказали, что группа работников Наркомата во главе с маршалом С.К. Тимошенко выезжает в Минск. Предупредили, что я поеду с ней. Предложили отправиться домой, переодеться в военную форму и явиться в наркомат.

...В приемной наркома обороны полным-полно военного народа. С папками, с картами, заметно возбужденные. Говорят шепотом. Тимошенко уехал в Кремль... 22 июня около пяти часов утра Нарком вернулся из Кремля. Позвал меня:

– Немцы начали войну. Наша поездка в Минск отменяется”. (Д.И. Ортенберг. Июнь – декабрь сорок первого. С. 5–6)».

К счастью, Давид Ортенберг был еще жив, когда у него Резун отщипнул маленький кусочек, как факт, в пользу своей мистификации. Вот что генерал поведал в 1995 году:

«Я, конечно, имел в виду тот день, когда снова одел военную форму. И сказано это было, конечно, с чисто журналистской шуткой, чтобы заинтриговать читателя. Но вот недавно один из моих знакомых спрашивает:

– Ты читал книжку Суворова “Ледокол”?

– Нет, – ответил я. – Читал лишь рецензии на нее, убийственные отзывы на книжку шпиона Резуна, посмеявшегося присвоить себе имя великого полководца, книжку, полную вранья, написанную для того, чтобы одурачить людей. И если бы я взял ее в свои руки, почувствовал бы себя человеком, который окунул свои пальцы в грязь, и еще больше, чем в грязь. Сочинить брехню, что не Гитлер начал войну против Советского Союза, а Советский Союз, мог только ненавидящий нашу страну человек.

– А ты прочти, там на тебя ссылаются.

Достал я эту книжку, на последних страницах нашел свое имя. И вот по какому поводу. Он, видимо, понимал, что, кроме гупцов и дурачков, никто ему не поверит, и написал так неуклюже, что вызывает смех. Резун пишет: “Если советские лидеры собирались ехать на тайные командные пункты у западных границ, чтобы сдерживать германское вторжение, то, получив сигнал о таком вторжении, они отменяют свои поездки на войну. Они готовы были

появиться у границ и руководить войной, но такой, которая начинается не по германскому сценарию, а по советскому... Вот стандартное свидетельство. Я его выбрал из других только оттого, что оно самое свежее.

Свидетель Д.И. Ортенберг, вам слово:

“Иногда меня спрашивают:

– Ты когда на войну ушел?

– Двадцать первого июня.

– ?!..”

Неизвестно, откуда пришла легенда о том, что 22 июня 1941 года Гитлер начал войну на востоке, чуть ли не насильно втянув Советский Союз в войну. А если мы послушаем тех, кто находился действительно рядом с самыми главными советскими лидерами в те дни, часы, минуты, то все выглядит совсем по-другому”.

Что можно сказать по поводу этих выдумок Резуна, которые он сделал, исходя из того, что я написал в своей книге, на первых ее страницах? Не надо долго вчитываться, чтобы увидеть, что “комментарии” автора “Ледокола” – бред сивой кобылы... И в самом деле, где должны были находиться советские лидеры, когда наступление фашистов выявилось уже 22 июня? На одном фронте, Западном?»

Писатель, а в прошлом разведчик Михаил Любимов в своей книге «Шпионы, которых я люблю и ненавижу» буквально восхищается, что Резун «сумел полстраны поставить на уши и втянуть в дискуссию». Но дальше он пишет: «У любого автора есть право на “логическое построение”, – так определяет Суворов “Ледокол”, право на порядок, право вычислять все что угодно. Спор с Суворовым бесполезен, факты он выстраивает согласно своей логике, а она у него живая и изощренная – не бывший сотрудник ГРУ, а профессор Асмус!

Просто потрясающе, что мы планировали и чуть опоздали напасть на Гитлера, хотя и оперативный план превентивного удара мог существовать среди множества планов, как во всех нормальных генштабах (прекрасно помню американский план превентивного ядерного удара по нам, имел счастье читать).

Удивительно, что о сталинском плане нападения на Германию не обмолвился ни один из гитлеровских генералов, ни Черчилль или Монтгомери, никто из советских военачальников (хотя бы по секрету начгенштаба Жуков рассказал бы детям перед смертью!), ни один перебежчик, ни один разведчик мира, ни один историк! Да за такое логическое построение недотепа Геббельс подарил бы Суворову замок на берегах Рейна с Лорелеей в придачу!

Суворов молодец, настоящий граф Калиостро! Подумать только: и покойный Волкогонов, и другие маститые ученые на полном серьезе схватились за мечи, не чувствуя мистификации; разъяренные пенсионеры ГРУ забросали редакции письмами, в которых ловят Суворова на разных несурзацих. Я не помню встреч с читателями без вопроса об истинности “Ледокола”».

О «доверчивый северный народ! – так писал В. Белов. – Когда ты наконец перестанешь верить Кашпировским, Жириновским, Мавроди, сказочникам-рыночникам, утопистам-антирыночникам?»

И действительно, читать Резуна гораздо полезнее, чем пить водку. Но не более! При этом нельзя забывать, что если у нас будут писать историю по перебежчикам, то это будет их собственная история, навязанная нам извне. Но как можно верить слабым и озлобленным людям, добровольно лишившимся собственной Родины? Их козыри – меченые карты! Однако в последнее время бывший капитан жалуется, что его называют «нехорошим человеком». Теперь он подчеркивает, что не его книгу разоблачают, а его самого. Пишут гадости и т. д. Но скажите: а что, собственно, можно написать про предателя, который в буквальном смысле слова продался другому государству, живет в Великобритании и оттуда еще умудряется навязывать бывшим своим соотечественникам свое понимание советской истории?

Но что этот иуда может о ней знать, если он не живет в России практически с 1974 г.?! С тех самых пор, когда уехал из СССР в Женеву. Может быть, его надо наградить орденом? Известный психиатр ЦРУ Ален Стаднер, исследовавший психику перебежчиков, отмечал, что «никогда еще никто не совершал побег из-за того, что был счастлив». «Я никогда не встречал человека, имевшего хорошие отношения со своим отцом, который стал бы перебежчиком и был бы нелоялен по отношению к режиму», – говорил он.

«Кроме того, существует еще мотивация, характерная для человека противоположного склада характера, который всю свою жизнь был борцом и на удар отвечал ударом. Чаще всего бывает, что таким перебежчикам не повезло в жизни, вследствие чего они становились коварными предателями, способными нанести удар в спину. Именно такие с готовностью становятся наемниками, движимыми стремлением отомстить и добиться справедливости. Такие люди не испытывают лояльности к режиму, который, как они считают, не выполнил по отношению к ним свою часть взаимных обязательств. Именно эти качества присутствовали у Пеньковского. У него накопилась обида, потому что в течение всей своей жизни он считал себя несправедливо пострадавшим от зависти некомпетентных, но влиятельных соперников. Для перебежчика характерно также чувство самолюбования, а это нечто большее, чем простое себялюбие».

По Алену Стаднеру, «это как патологический эгоцентризм, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим». Например, когда Пеньковскому «не удалось стать генералом, это вызвало в нем неистовую злобу». В суворовском училище у будущего автора «Ледокола» отмечали застенчивость, болезненное восприятие критики в свой адрес, робость с товарищами и старшими, а также раздражительность и (иногда) несдержанность. А в Киевском общевоинском – невыдержанность, самолюбие и обидчивость.

Не потому ли его с иронией называли Бонапартом, Кутузовым и Суворовым? Только вот в Женеве он получил совсем другое прозвище – Павлик Морозов. Это за свою чрезмерную активность в партийной организации. Кстати сказать, в книге Д. Хмельницкого «Ледокол из «Аквариума». Беседы с Виктором Суворовым» Резун в который раз не объясняет истинной причины своего побега. В сущности, он уходит от прямых ответов на поставленные вопросы. При этом, как всегда, добавляет: «Однако у меня в голове уже был “Ледокол”. Жить с этим “Ледоколом” и не написать его я уже не смог. Но в “Аквариуме” написать “Ледокол” я тоже не мог». А дальше – больше. Резун задним числом утверждает, что, оказавшись в Англии, никого не сдал! Но тут же возникает вполне закономерный вопрос: а зачем тогда был нужен британской разведке какой-то советский (всего-навсего) капитан? Чтобы книжки писать? И дураку понятно, что нет! Потому что Резун самым примитивным способом был завербован британской разведкой (СИС), при этом она же на основе изучения его личности пришла к четкому убеждению: «Основным мотивом его сотрудничества является материальная выгода».

А как же иначе!

К слову, «весь период сотрудничества с англичанами Резун постоянно боялся разоблачения, опасался досрочного отзыва в Москву за бездеятельность (он даже оказался неспособным реализовать предложение англичан помочь ему в вербовке иностранца для повышения престижа в резидентуре ГРУ)». Здесь сказались те самые, что называется, отрицательные черты характера Резуна, которые неоднократно подчеркивались в период его обучения в стенах военных училищ. И вот такой «Павлик» из-за «бугра» настойчиво предлагает нам свое видение истории Второй мировой войны! Такое видение, где между строк, да и в самих строках нетрудно заметить ненависть трусливого предателя.

Сама же по себе история с появлением в России «Ледокола» со слов Резуна звучит так: «Перестройка в разгаре, все пошло в разнос. И журнал «Нева» обратился ко мне с просьбой дать что-нибудь для публикации. Я дал им “Аквариум”. Напечатали. “Аквариум” идет на

“ура”... Пошли письма от читателей. Давай, мол, давай! Студенты из МГУ писали, что они на следующий год все подписались на “Неву” в ожидании новых публикаций. “Нева” снова обращается ко мне: “Есть ли у тебя что-то еще?” Говорю – есть. И посылаю “Ледокол”. Говорю “Вы его, конечно, не опубликуете”. – “Давай!” – говорят. Посылаю. Наступает пауза. Звоню, чтобы узнать, в каком номере и так далее все это будет. Отвечают: понимаешь, нужна же какая-нибудь дата, чтобы к ней приурочить публикацию. Я говорю, что все понимают: вот даты у них нету! Наступает дата. Звоню: ну как? Говорят: понимаешь, мужик, в чем дело, ведь не можем же мы обидеть наших ветеранов в такую дату!

И тянется это снова. Тянется до тех пор, пока не появляется на горизонте Сергей Леонидович Дубов. Один их первых российских магнатов, олигархов. Он купил издательство “Новое время” и журнал, на Пушкинской площади громадное здание купил, приехал ко мне и говорит: “Давай”.

Первый пробный тираж – 320 тысяч. Странная цифра: не 300, не 350...

Объяснение тут вот какое. Он решил публиковать на оберточной бумаге и в мягкой обложке. (...) Он хотел таких 300 тысяч – в твердой обложке, с картинками, картами, и так далее. Был он тогда в Лондоне. Уехал он к себе и выпустил все 320 тысяч на оберточной бумаге. Вот какое объяснение тиража 320 тысяч. Второе издание он шарахнул на миллионный тираж. Сказал: тебе слава, а мне деньги. А 1 февраля 1994 года его убили. Перед его домом».

Действительно, 1 февраля в 9 часов утра на Маленковской улице выстрелом в затылок неизвестным киллером был убит президент издательского дома «Новое время» Сергей Дубов. По сообщению в печати, пятидесятилетний президент «как обычно, вышел из подъезда своего дома в 9 утра (к этому времени за ним обычно подъезжала машина). В этот момент из телефонной будки, расположенной напротив подъезда, неизвестный выстрелил в него из пистолета и попал Дубову в затылок. Смерть наступила мгновенно. Сделав свое дело, киллер мгновенно скрылся. Его удаляющуюся фигуру видел водитель дубовской машины, который подъезжал к дому через несколько минут после выстрела. Первым делом водитель подбежал к своему шефу, но помочь ему он уже был не в состоянии. Убийца тем временем скрылся окончательно».

Информация к размышлению: Сергей Леонидович Дубов. Родился 4 февраля 1943 г. в Москве. Окончил редакторский факультет Московского полиграфического института, работал на телевидении, в газете «Книжное обозрение», в журнале «Новое время». В журнале он был заместителем ответственного секретаря, потом занял должность президента крупной компании в области книгоиздания, которая впервые в России издала полное собрание сочинений А. Солженицына. С. Дубов был создателем газеты «Все для Вас» и рекламного агентства «Русская пресс-служба». С января 1992 г. являлся президентом АО закрытого типа «Издательский дом «Новое время». Политикой интересовался мало.

В начале 1992 г. журнал «Новое время» находился на грани банкротства. А 14 мая 1993 г. приемный сын Дубова, 17-летний Сергей, погиб, выпав из окна. В последние месяцы своей жизни С. Дубов находился в крайне подавленном состоянии, из которого так и не сумел выйти до конца.

По данным «Коммерсанта»: «Рядовые сотрудники “Нового времени” (ниже замов начальников подразделений холдинга) единодушно считают, что г-н Дубов погиб в результате конфликта внутри издательского дома. Они считают, что покойный гениально изобретал новые прибыльные проекты, но мало вникал в подробности их дальнейшей работы, а также не разбирался в людях и очень неосторожно подбирал руководителей в свои структуры... Однако руководители среднего звена холдинга отвергают версию о конфликте внутри холдинга, так как г-н Дубов являлся владельцем по крайней мере контрольного пакета акций во всех своих компаниях, объединившихся в издательский дом (а, например, отдел недви-

мости холдинга якобы принадлежал только ему одному). Таким образом, по мнению руководства, никакими “заговорами” нельзя было отстранить Дубова от руководства...»

По материалам «Московского комсомольца» от 10 февраля: «Как стало известно “МК” Алексей Карягин (заместитель С. Дубова) и Станислав Колесниченко дали на следствии несколько неожиданные показания. Суть их сводится к следующему.

Незадолго до убийства сам Дубов предложил Колесниченко “убрать” своего зама – Алексея Карягина. За это был обещан гонорар – шесть тысяч долларов. Покойный, правда, не знал, что Колесниченко и Карягин – старые приятели. Станислав пришел домой к Алексею Карягину и рассказал о планах его шефа. Решено было проверить, как далеко готов идти Дубов в своих намерениях.

Используя свои знакомства, Карягин инсценировал собственную смерть. Колесниченко тем временем встретился с Дубовым и доложил о том, что задание выполнено. Кроме того, Станислав посетовал, что при наезде на Карягина пострадал его “ауди”. На это Сергей Дубов ответил: дескать, помянем Карягина, выправим тебе новую “тачку”.

В назначенном месте и в оговоренное время Колесниченко забрал предназначавшиеся ему деньги. А через день после этого на работу, как ни в чем не бывало, вышел Алексей Карягин.

Второй разговор Дубова и Колесниченко был записан на аудиокассету.

Как заявляет Карягин, после этого у них состоялся разговор с Сергеем Дубовым, во время которого последний был предупрежден о том, что в случае гибели Алексея Карягина эта кассета вместе с заявлением будет передана в прокуратуру. Деньги тогда же были возвращены Алексеем Дубову со словами: “Я не знал, что стою всего шесть тысяч долларов...”

По материалам «Московского комсомольца» от 18 февраля: «Следствие допускает, что задокументированная инсценировка убийства Карягина вполне могла быть использована для шантажа Дубова...

Заказ на убийство мог прийти из провинции. Дело в том, что в последнее время газета бесплатных объявлений “Все для Вас” стала активно завоевывать региональные рынки рекламы. В некоторых городах это могло активно не понравиться местным бизнесменам... По мнению коллег, не стоит особо идеализировать Сергея Дубова, представляя его романтиком в бизнесе, но, с другой стороны, именно из-за нежелания “становиться под охрану” мафии он в свое время отказался от идеи создания в Москве сети из ста киосков для “Издательского дома “Новое время”...

Это дело взял под свой личный контроль президент России Б. Ельцин.

Расследованием убийства С. Дубова занялась специально созданная оперативная группа из сотрудников МВД, МУРа, окружного УВД и районной прокуратуры. Дело об убийстве С. Дубова и гибели его 17-летнего сына было теперь объединено в одно».

3

Но вернемся непосредственно к «Ледоколу» и обратимся лишь к некоторым главам. Что же нам предлагает Резун в качестве неоспоримой истины?

Глава 2 «Главный враг». Здесь он пишет: «В 1927 году Сталин предвидит приход фашистов к власти в Германии и считает такое развитие желательным: “Именно тот факт, что капиталистические правительства фашизируются, именно этот факт ведет к обострению внутреннего положения в капиталистических странах и к революционным выступлениям рабочих” (Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1 августа 1927 года. Опубликовано впервые только через 25 лет. Т. 10, с. 49)». Наверно, бывший советский капитан решил, что не у всех россиян имеется полное собрание сочинений Сталина. Но он глубоко заблуждался. Открываю 10-й том на 49 странице, читаю. Действительно вождь говорил такие слова, но Резун отрезал скобки. А в скобках Сталин особо подчеркнул только Вену и Англию.

Во-вторых, Резун утверждает, что эта речь впервые опубликована только через 25 лет. То есть не ранее 1952 г. И здесь «Павлик», как всегда, соврал. В моей библиотеке 10-й том издан Государственным издательством политической литературы в 1949 г.!

В политическом отчете ЦК на XV съезде ВКП(б), который проходил 2–19 декабря 1927 г., Сталин сказал следующее: «Попытки Англии создать единый фронт против СССР пока еще не удалась. Причины этой неудачи: противоречие интересов в лагере империалистов, заинтересованность некоторых стран в экономических связях с СССР, мирная политика СССР, противодействие рабочего класса Европы, боязнь империалистов развязать революцию у себя дома в случае войны с СССР. Но это еще не значит, что Англия бросит свою работу по организации единого фронта против СССР, что ей не удастся организовать такой фронт. Угроза войны остается в силе, несмотря на временные неудачи Англии.

Отсюда задача – учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, “откупившись” от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений.

Мы не можем забыть слов Ленина о том, что очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не назреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний. Поэтому сохранение мирных отношений с капиталистическими странами является для нас обязательной задачей» (Т. 10, с. 288–289). Далее вождь четко формулирует задачи партии. По линии внешней политики СССР он отмечает: «а) борьба против подготовки новых империалистических войн;

б) борьба с интервенционистскими тенденциями Англии и усиление обороноспособности СССР;

в) политика мира и сохранение мирных отношений с капиталистическими странами;

г) расширение нашего товарооборота с внешним миром на основе укрепления монополии внешней торговли;

д) сближение с так называемыми “слабыми” и “неполноправными” государствами, терпящими гнет и эксплуатацию господствующих империалистических держав» (Т. 10, с. 290–291).

Но разве для Резуна это является доказательством? Конечно же нет! То что ему не нужно, гражданин Британии легко отбрасывает, а затем вырезает тот самый лакомый кусочек у Сталина и утверждает уже за вождя: «Начиная с 1927 года, Сталин всеми силами (правда, публично этого не показывая) поддерживает фашистов, рвущихся к власти. Когда фашисты придут к власти, Сталин всеми силами будет их толкать к войне. Когда они вступят в войну,

Сталин прикажет коммунистам демократических стран временно стать пацифистами, разлагать армии западных стран, требуя прекращения “империалистической войны” и подрывая военные усилия своих правительств и стран. Но толкая Ледокол на демократическую Европу, Сталин уже вынес ему смертный приговор. За пять лет до прихода фашистов к власти в Германии Сталин уже планирует их уничтожение: “.. разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить советскую власть, освободить колонии от рабства” (Т. 11, с. 202)». Ничего себе! Предатель действует точно по принципу Геббельса: ври страшней – поверят скорей! Дело в том, что полная версия слов вождя выглядит иначе (Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) – 13 июля 1928 г., вопросы Коминтерна): «создание единого фронта рабочих передовых стран и трудовых масс колоний для того, чтобы предотвратить опасность войны, или, когда война наступит, превратить империалистическую войну в войну гражданскую, разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить Советскую власть, освободить колонии от рабства, организовать всемирную защиту первой в мире Советской республики.

Таковы основные проблемы и задачи, стоящие перед VI конгрессом». Добавлю только одно слово: «Коминтерна». Видимо, цена отличным отметкам Резуна точно такая же, как и всем его вырезанным цитатам. И с таким лжецом у нас еще вступают в полемику! Ей-богу, было бы с кем!

В заметках на современные темы (Об угрозе войны) Сталин в том же 1927 г. писал: «Неудивительно, что империализм готовится к новой войне, видя в ней единственный путь разрешения этого кризиса. Небывалый рост вооружений, общий курс буржуазных правительств на фашистские методы “управления”, крестовый поход против коммунистов, бешеная травля СССР, прямая интервенция в Китае – все это различные стороны одного и того же явления – подготовки к новой войне за новый передел мира. Они, империалисты, давно бы уже передрались между собой, если бы не коммунистические партии, ведущие решительную борьбу против империалистических войн, если бы не СССР, мирная политика которого является тяжелой гирей на ногах у зачинщиков новой войны, если бы не боязнь ослабить друг друга и облегчить тем самым новый прорыв империалистического фронта» (Т. 9, с. 322–324). Пройдет почти 12 лет, и, выступая 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), вождь в который раз будет говорить о международных событиях. Разделяя капиталистические государства на две категории – «агрессивные фашистские государства» и «неагрессивные, демократические государства» (Англия, Франция, США), он подверг критике именно политику последних (прежде всего Англию и Францию) за отказ от коллективного отпора агрессорам, от коллективной безопасности, за позицию невмешательства и «нейтралитета». Сталин объяснял это просто: «чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер». В этой речи он определит и внешнеполитические задачи страны:

- «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;
2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;
3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного Флота;
4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами» (Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), с. 23, 28–29, 40, 42–43).

А как же тогда мировая революция? Ведь это один из «китов», на которых держится весь «Ледокол». Послушаем Сталина (1926): «А что значит победа “в всемирном масштабе”? Значит ли это, что такая победа равнозначна победе социализма в одной стране? Нет, не значит. Ленин строго различает в своих сочинениях победу социализма в одной стране от

победы “в всемирном масштабе”. Говоря о победе “в всемирном масштабе”, Ленин хочет сказать, что успехи социализма в нашей стране, победа социалистического строительства в нашей стране имеет такое громадное международное значение, что она (победа) не может ограничиться нашей страной, а должна вызвать мощное движение к социализму во всех капиталистических странах, причем, если она не совпадает во времени с победой пролетарской революции, открыть собой мощное движение пролетариев других стран к победе мировой революции.

Вот какова перспектива революции по Ленину, если иметь в виду перспективу победы революции, о чем, собственно, и идет речь у нас, в партии» (Т. 9, с. 40).

Следует отметить, что молодая Советская Республика, возникшая после октября 1917 г., изначально ставила своей главной целью осуществление мировой пролетарской революции. Отрезвление наступило после сокрушительного поражения под Варшавой в 1920 г., когда пожар мировой революции зажечь не удалось. После этого руководство СССР перешло лишь к попыткам подрыва капитализма изнутри, демонстрируя готовность предоставления необходимой для этого помощи.

Однако у Резуна все, что попадает под его концепцию – правда, а все, что отрицает ее или не вяжется с ней – вранье! Оно и понятно: бывшему капитану надо как-то отрабатывать британский хлеб. На чужбине он дороже будет. Следовательно, в таком нехорошем положении перебежчику не до истины. Там он врет страшней, а ему здесь верят скорей! И расчет точный: мол, столько десятилетий народу ввали, а тут истинная правда! Так и хочется крикнуть: «Виват, Павлик!»

В январе 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) Сталин говорил: «Некоторые германские политики говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. (Бурные аплодисменты.) И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний.

Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода – в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой “новой”, напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем “новая” политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди “новой” политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале. Не случайно также известное выступление Гутенберга в Лондоне, также как не случайны не менее известные декларации Розенберга, руководителя внешней политики правящей партии Германии. Вот в чем дело, товарищи» (Т. 13, с. 302–303).

В очередной раз можно убедиться в мирной политике советского правительства, о которой постоянно твердил Сталин. «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и – тем более – напасть на кого бы то ни было. Мы строим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. (Бурные аплодисменты.) Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у вас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, – получают сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород» (Там же, с. 305). А вот Резун продолжает совать свое рыло в нашу историю из Британии, однако сокрушительного отпора ему до сих пор нет! У нас с ним разговаривают чуть ли не как с равным, совершенно забывая, что предатель – это враг, а враг, предавший однажды свою Родину, предает по привычке. И во второй раз – уже ее историю. Что будет в третий, мне неизвестно. Но ждите, обязательно будет. Если у него, конечно, получится.

4

В 24 главе «Ледокола» «Про черные дивизии» автор пишет: «Хорошо известно, что во время войны Сталин почистил ГУЛАГ, отправив на фронт способных носить оружие. Иногда за недостатком времени и обмундирования ээка отправляли на фронт в его одежде. В принципе разница невелика: те же кирзовые сапоги, что и у солдата, зимой – та же шапка на рыбьем меху, в любой сезон – бушлат, который от солдатского только и отличается, что цветом. Но живет в нас неизвестно откуда пришедшее мнение, что вот, мол, Гитлер напал, Сталин и послал ээков “искупать вину”. А между тем германские войска встретились с “черными” дивизиями и корпусами в начале июля 1941 года. А начали эти дивизии и корпуса выдвижение к западным границам 13 июня 1941 года. Армии Второго стратегического эшелона, в состав которых входили все эти “черные” дивизии и корпуса, начали формироваться еще в июне 1940 года, когда Гитлер повернулся к Сталину спиной, убрав с советских границ почти все свои дивизии. Каждая армия Второго стратегического эшелона создавалась специально в расчете на внезапное появление на западных границах. Каждая армия – на крупнейшей железнодорожной магистрали. Каждая – в районе концлагерей: мужики так к порядку приучены, в быту неприхотливы и забрать их из лагерей легче, чем из деревень: все уже вместе собраны, в бригады организованы, а главное, если мужиков из деревень забирать, без слухов о мобилизации и войне не обойтись. (...) Главное в том, что Сталин предоставил ээкам “возможность искупить свою вину” и “стать отважными бойцами” ДО НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРА. Армии, специально приспособленные принять в свой состав ээков в качестве пушечного мяса, начали формироваться еще до того, как возник план “Барбаросса”!»

Чуть дальше следует вывод: «Если германская армия встретила дивизии и корпуса, укомплектованные ээками в начале июля, но в составе армий прибывающих из далеких уральских, сибирских, забайкальских провинций, значит, Сталин дал ээкам боевое оружие в руки до 22 июня 1941 года».

Но минуточку! Как раз-таки в этой главе Резун не просто загнул – он выступил в роли писателя-фантаста. И, видимо, весьма удачно, так как читатели ему поверили! Однако есть факты, которые упрямо отрицают бред сивой кобылы из далекого и хмурого Лондона.

Только по представлению НКВД СССР в Президиум Верховного Совета Союза ССР 12 июля и 24 ноября 1941 года были изданы Указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную армию. Во исполнение Указов Президиума Верховного Совета СССР, ГУЛАГом было проведено освобождение 420 000 заключенных (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 66. Лл. 1–61).

К этому можно и справочку приложить: «О контингентах, переданных в ряды Красной Армии местами заключения НКВД СССР с начала Отечественной войны по 1/IX – 1944 г.

1. Из материалов с мест в Военкоматы [передано] для направления в Красную Армию лагерями и колониями НКВД – УНКВД (по неполным данным до 1/1 – 44 г.) 615 040 чел.

2. За 1944 г. (с 1/1 по 1/IX – 44 г.) 44.234 чел.

Итого передано из мест заключения ГУЛАГа НКВД 659 274 чел.

3. Из тюрем НКВД – УНКВД за 1943 год передано 171 220 чел.

Всего передано 830 494 чел.

4. Кроме того, по 38 объектам (ИТК и УИТЛК – ОИТК НКВД – УНКВД), ликвидированных в 1941–42 гг. в связи с военными действиями, ориентировочно передано не менее 200 000 чел.

Таким образом, в ряды Красной Армии (без учета передачи из тюрем в 1944 г.) передано 1 030 494 чел. (ГАРФ.Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Л. 21).

А ведь Резун пишет о целых дивизиях, целых корпусах, одетых в необычную черную форму, похожую на тюремную, тайно выдвигающихся к западным границам в первой половине июня. Все это потому, что ему только так хочется. Вот он и пишет. Но все дело в том, что до начала войны в СССР из эков даже и не думали формировать дивизии и корпуса. До катастрофы 1941 г., которую изначально не ждал никто, в этом не было никакой необходимости. А Резун все гнет свою линию: «Минимум одна из этих армий полностью состоит на довольствии ГУЛАГа НКВД». Однако даже на следующий день после начала войны – 23 июня 1941 г., после объявления военного положения в прифронтовой полосе, заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышев передал по ВЧ приказ наркома об эвакуации заключенных из тюрем прифронтовой полосы. Их отправляли в тыл. А почему бы, собственно, не передать их в «черные» дивизии и корпуса? Так было бы проще и дешевле. Но Резуна тогда не было, поэтому у него не могли проконсультироваться. Он бы посоветовал...

В продолжении книги «Ледокол» – «День-М» – есть у Резуна глава 5 под названием «Халхин-Гол – это пролог». В ней он пишет: «Халхин-Гол – это первая в XX веке молниеносная война, “блицкриг” в чистом виде. Это первое в истории правильное применение танков крупными массами для ударов в глубину. Это пример небывалой концентрации артиллерии на узких участках фронта. Это образец абсолютной внезапности сокрушающих ударов – за первые полтора часа сражения японская артиллерия не произвела ни единого выстрела, и ни один японский самолет не поднялся в воздух».

Но пролог ли? В своем выступлении на выпуске слушателей академий Красной армии 5 мая 1941 г. Сталин подчеркнул: «Мы перестроили нашу армию, вооружили ее современной техникой. Но надо прежде всего сказать, что многие товарищи преувеличивают значение событий у озера Хасан и Халхин-Гола, с точки зрения военного опыта. Здесь мы имели дело не с современной армией, а с армией устаревшей. Не сказать вам всего этого, значит обмануть вас».

Конечно, Хасан и Халхин-Гол сыграли свою положительную роль. Их положительная роль заключается в том, что в первом и во втором случае мы японцев победили. Но настоящий опыт в перестройке нашей армии мы извлекли из русско-финской войны и из современной войны на Западе...» (РГАСПИ.Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1–12). Но прав ли был вождь?

На совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии, проходившем с 14 по 17 апреля 1940 г., он подчеркнул для присутствующих общий вывод из этой войны: «К чему свелась наша победа, кого мы победили, собственно говоря? Вот мы 3 месяца и 12 дней воевали, потом финны встали на колени, мы уступили, война кончилась. Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить – не Бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей – немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию. Вся оборона Финляндии и война велась по указке, по наущению, по совету Англии и Франции, а еще раньше немцы здорово им помогали, и наполовину оборонительная линия в Финляндии по их совету построена. Итог об этом говорит. Мы разбили не только финнов – эта задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа».

Существует мнение, что предвоенный советский опыт «малых войн» несколько отрезвил Сталина и его ближайшее окружение. Идеологизированные представления о военно-стратегическом могуществе «первого в мире» социалистического государства и его армии явно не срабатывали. В руководящих партийных и военных кругах сравнительно опера-

тивно, по горячим следам, приступили к обсуждению хода и результатов этих войн, начало которому было положено иносказательным указанием Сталина «не возводить в культ опыта гражданской войны». Однако участники декабрьского совещания (высшего руководящего состава РККА) 1940 г. продолжали в своих оценках в значительной мере исходить из опыта именно «малых» войн и боевых действий ограниченного характера. После финской войны в Красной армии «необоснованно преувеличивались и выдвигались на первый план отдельные формы боевых действий, связанных с прорывом укрепленных оборонительных полос, построением обороны, а также вопросы оборудования и подготовки театра войны». Об этом вспоминал маршал Советского Союза М.В. Захаров.

Не удивительно, что и выводы из опыта войны на Карельском перешейке С.К. Тимошенко сформулировал следующим образом: «...Если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений». И это говорил советский военачальник, сменивший маршала Ворошилова на посту наркома обороны. Более того, на том же зимнем совещании 1940 г. он вообще изрек полную чушь, в который раз подчеркивая свои не особенно глубокие знания: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 27. Л. 575). Там же под его руководством основная часть выступлений посвящалась вопросам оперативного и даже оперативно-тактического уровня. «Рассмотрение вопросов стратегического характера считалось прерогативой лишь высшего руководства страны, включая наркома обороны. Это было весьма характерным для предвоенного периода». Зато Резуну до этого и дела нет. Он так и прет напролом, доказывая нам, что Сталин готовился напасть на Гитлера, да последний его опередил. Но ведь Резуну что в лоб, что по лбу! В 19 главе «Ледокола» «Сталин в мае» он констатирует: «А в мае 1941 года Сталин во второй раз говорит нечто важное выпускникам военных академий. Теперь замышляется более серьезное и более темное дело, и потому сталинская речь на этот раз секретна. Речь Сталина никогда не публиковалась, и это дополнительная гарантия ее важности. Сталин говорил о войне. О войне с Германией. В советских источниках с опозданием на 30–40 лет появились ссылки на эту речь. “Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, выступая 5 мая 1941 года с речью на приеме выпускников военных академий, дал ясно понять, что германская армия является наиболее вероятным противником” (ВИЖ, 1978, № 4, с. 85). История Второй мировой войны (Т. 3, с. 439) подтверждает, что Сталин говорил о войне, и именно о войне с Германией. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков идет несколько дальше. Он сообщает, что Сталин в обычной своей манере задавал вопросы и сам на них отвечал. Сталин задавал среди прочих вопрос о том, является ли германская армия непобедимой, и отвечал отрицательно. Сталин называл Германию агрессором, захватчиком, покорителем других стран и народов и предрекал, что для Германии такая политика успехом не кончится (Воспоминания и размышления. С. 236).

Золотые слова. Но почему их держат в секрете? Понятно, что в мае 1941 г. Сталину несподручно было своего соседа называть агрессором и захватчиком. Но через полтора месяца Гитлер напал на СССР, и майскую речь Сталину следовало срочно опубликовать. Следовало выступить перед народом и сказать: братья и сестры, а ведь я такой оборот предвидел и офицеров своих тайно предупреждал еще 5 мая. В зале кроме выпускников академий сидели все высшие военные и политические лидеры страны, и каждый может это подтвердить. А вот и стенограмма моей речи... Но нет, не вспомнил Сталин свою речь и слушателей в свидетели не призвал».

Что ж, и здесь бывший советский капитан завернул, как всегда, в своем репертуаре. Но верить ему – значит не уважать своих родителей и не любить свою родину. Поэтому я

достал со своей книжной полки нужную книгу, открыл ее на нужной странице, где есть то самое «секретное» выступление Сталина.

Сталин говорил о следующем: (1) Что представляла из себя Красная Армия 3–4 года тому назад;

(2) Чем стала Красная армия в настоящее время;

(3) О танках;

(4) Об артиллерии;

(5) Об авиации;

(6) О военно-учебных заведениях, которые отстают от роста Красной армии;

(7) О том, почему Франция потерпела поражение, а Германия побеждает;

(8) Действительно ли германская армия непобедима;

(9) О том, как могло случиться, что Германия одерживает победы.

Кроме того, в двух выступлениях вождь поднял тост за руководящие кадры армии, за начальников, за преподавателей, за ликвидацию отставания в деле изучения современной материальной части. За здоровье артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов и пехотинцев. Но ни слова об агрессоре. А только о том, что неверно немцы считают свою армию непобедимой. В своем третьем выступлении Сталин сказал: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия – армия наступательная».

Эти слова можно переворачивать кому как угодно, но истинный их смысл сводился к следующему: Сталин, понимавший не только неизбежность, но и близость страшной войны, стремился самым тщательным образом довести это понимание до представителей ядра Красной армии – до тех, кому в самое ближайшее время предстояло принять на себя небывалый по мощи удар противника. Вождь старался убедить их в неизбежности разгрома Германии в грядущей войне, несмотря на наши возможные временные поражения. При этом он пытался изо всех сил избежать малейшего повода для обвинения в милитаризме и агрессивных устремлениях. Кроме того, в своем выступлении Сталин особо подчеркнул отставание военно-учебных заведений от роста Красной армии. Резун об этом, видимо, не знает. «Здесь выступал докладчик т. Смирнов и говорил о выпускниках, об обучении их на военном опыте, – сказал вождь. – Я с ним не согласен. Наши школы еще отстают от армии. Обучаются они еще на старой технике. Вот мне говорили, что в Артиллерийской академии обучают на 3-дюймовой пушке. Так, тов. артиллеристы? (Обращается к артиллеристам.) Школа отстала от армии. Военно-воздушная академия обучает еще на старых машинах И-15, И-16, И-153, СБ. Обучать на старой технике нельзя. Обучать на старой технике – это значит выпускать отстающих людей.

Этому отставанию способствуют также программы. Ведь чтобы обучать новому и новому, надо изменить программу, но для этого надо много работать. Куда легче учить по старым программам, меньше забот и хлопот. Наша школа должна и может перестроить свое обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны.

Наши школы отстают, это отставание закономерное. Его нужно ликвидировать. Вы приедете в армию, там увидите новинки. Чтобы облегчить вам дело, я рассказал о реорганизации нашей армии».

Как пишет доктор исторических наук В.А. Невежин, «дело, по большому счету, вовсе не в том, что именно сказал, а чего не говорил тогда И.В. Сталин: запущенная Гитлером машина войны уже неотвратно надвигалась на СССР.

До вероломного нападения Германии оставалось всего 47 суток, а до Победы советского народа над немецко-фашистской Германией – еще долгих 1465 дней».

При этом нельзя забывать, что за эти самые 47 дней невозможно было ликвидировать такое отставание, о котором говорил вождь. Но ведь это не согласуется с концепцией Резуна...

5

Что ж, тогда перейдем к главе 32 «Ледокола», которая называется «Был ли у Сталина план войны».

«Как же могло случиться, что Красная Армия вступила в войну без планов? – вопрошает идейный палач Резун и пытается выбить табуретку из-под ног наших дедов. – Непонятно и другое. Если Красная Армия вступила в войну без планов, то Сталин, узнав об этом, должен был расстрелять Жукова и всех, кто принимал участие в разработке планов. Этого не случилось. Наоборот, участники разработки советских планов: Василевский, Соколовский, Ватутин, Маландин, Баграмян, Штеменко, Курасов, начав войну в званиях генерал-майора или даже полковника, завершили ее в маршальских званиях или минимум с четырьмя генеральскими звездами. Все они проявили себя в войне поистине блистательными стратегами. Все они добросовестные и даже педантичные штабисты, которые не мыслят жизни без плана. Как же получилось, что Красная Армия в первые месяцы войны была вынуждена импровизировать? И почему Сталин не только не расстрелял Жукова и его планировщиков войны по очень простой причине: им никогда не ставилась задача разрабатывать планы на случай оборонительной войны. В чем же их обвинять? Жукову, Василевскому, Соколовскому и другим выдающимся стратегам Сталин поставил задачу разработать какие-то другие планы. Это были очень хорошие планы, но с первого момента оборонительной войны они стали ненужными: как автострадные танки, как десантные корпуса».

У бывшего советского капитана фактически железная логика. Куда уж нам – серым лапотникам и троечникам по марксистско-ленинской теории! Можно сказать, что Сталин легко расстрелял бы генерала армии Жукова и других, если бы у него был маршал с такой железной логикой, как у РЕЗУНА. Но дело в том, что такого военачальника и полководца у Сталина не было. А была политика и военная стратегия!

По мнению фельдмаршала графа Мольтке, «политика, к сожалению, неотделима от стратегии»; «политика не должна вмешиваться в операции»; «для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же – лишь поскольку они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого. Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставит успех на войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается – это исключительно ее дело».

По мнению комкора (в прошлом генерал-майора царской армии) А.А. Свечина, «политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств». В своей полемике со многими авторами А.А. Свечин подчеркивал, что «ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области». При этом он добавлял: «...нельзя смешивать протест против ошибок политики с отказом признать за политикой права и обязанности определить руководство войной в его основных чертах». Исходя из вышеперечисленных взглядов на характер взаимоотношений войны и политики, можно достаточно точно объяснить катастрофу Красной армии 1941 г. как следствие ошибочной (или «дурной» – по Свечину) политики Сталина, в значительной мере повлиявшей на стратегию. «Смоделированная Сталиным ложная конструкция политических и стратегических целей сторон в развернувшейся на Западе мировой войне, приведшая через

несколько месяцев, в начальный период войны, к крупнейшей в истории войн катастрофе одной из самых мощных армий мира, каковой являлась предвоенная Красная Армия, как фильтр отсекала и отбрасывала все альтернативные военно-стратегические решения, основывающиеся на очевидных, но иных для данной конструкции фактах, объективных оценках и предложениях», – пишет А.А. Кокошин в своей книге «Армия и стратегия».

В восстановленных купюрах из авторской рукописи маршала К.К. Рокоссовского есть вот такое утверждение: «Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали». По Резуну выходит, что это все ложь. Он, как всегда, с легкостью отвергает общий замысел применения основных сил Красной армии, который состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР, а на втором этапе – мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, чтобы в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер. Этот человек настолько ненавидит страну, давшую ему образование, широкую возможность карьеры, шанс выехать в одну из европейских стран (а также благополучно предать ее и стать нужным британской разведке), что уже и сам не верит в миролюбивый характер социалистического общества. Но именно это общество и не могло взять на себя инициативу нанесения первого удара. Резун же горячо отстаивает и популяризирует идею о том, что активная форма ведения войны является для армии диктатуры пролетариата основополагающей, что лишь эта форма ведения войны соответствует природе Октябрьской революции. Может показаться, что Резун всерьез убежден: он обладает монополией на истину, а у его бывшей Родины на нее просто нет никаких прав. На самом деле все гораздо проще. Кто платит, тот и заказывает музыку, а предатель как-то должен отрабатывать свой хлеб...

Сталин не планировал нападения на Германию в 1941 г. «Главная военно-политическая цель советского руководства состояла в том, чтобы любой ценой избежать войны или хотя бы оттянуть ее начало до 1942 г., выиграть тем самым время и завершить подготовку страны и вооруженных сил к обороне». Подготовка же к войне велась, но только на случай агрессии фашистской Германии на СССР.

Советское командование исходило из признания угрозы со стороны Германии, трезво оценивая готовность фашистской армии к нападению. Действия же Красной армии предполагались прежде всего как ответные.

Согласно анализу, проведенному специалистами по военной истории Генерального штаба России в начале девяностых годов, «одним из условий своевременного и планового развертывания Вооруженных Сил являлось их надежное оперативное прикрытие. Планирование всех этих мероприятий составляло основу разработки оперативного плана. Положение, однако, осложнялось тем, что в предвоенные годы среди руководства Наркомата обороны и Генерального штаба единого подхода к пониманию оперативного плана и плана стратегического развертывания не было. Часто эти понятия отождествлялись или заменялись одно другим. Такое положение размывало целенаправленность планирования и, естественно, снижало его качество».

Что такое оперативный план, намечающий основные направления предполагаемой войны? В сущности, это совокупность документов, таких как: директива правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил; записка о порядке стратегического развертывания Вооруженных Сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РККА по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для сосредоточения Вооруженных Сил на

театрах военных действий; планы прикрытия стратегического развертывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, противовоздушной обороне и т. д. В отличие же от оперативного плана в плане стратегического развертывания не определялись замысел первых операций и задачи фронтов.

Еще при составлении «Соображений о стратегическом развертывании Вооруженных Сил на случай войны» (Мобилизационный план на 1937–1939 гг.) Красной армии была сформулирована основная, но при этом двоякая задача: «готовиться к отражению удара агрессора и одновременно к решительному разгрому его с перенесением военных действий на территорию врага. Считалось, что Красная Армия должна быть всегда готова ответить сокрушительным ударом на всякую внезапность со стороны врага».

Как пишет доктор исторических наук, профессор В.А. Анфилов: «Доктринальное положение имело принципиальное значение для определения и понимания вступления советского государства в войну. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать сдерживающие боевые действия в строившихся для этой цели укрепленных районах, а во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована боевой готовностью Красной Армии». К 24 марта 1938 г. был разработан доклад наркому обороны К.Е. Ворошилову «Об основах стратегического развертывания РККА» (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1–2). По авторитетному мнению В.А. Анфилова, «в нем предусматривалось два варианта действий главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Главный военный совет изволил рассмотреть и одобрить план лишь 13 ноября 1938 г. Этот план был вскоре утвержден и Комитетом обороны. Но в связи с изменениями стратегической обстановки в Европе в 1939–1940 гг. (перемещение войск Красной Армии, изменение государственной границы, изменение боевого состава военных округов), прежний оперативный план стал нереальным. Поэтому сразу же после финской войны в Генеральном штабе начали разрабатывать новые “Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.” (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 197–216). Этот документ подготовили к середине 1940 г. и сразу же представили Сталину и Молотову. В нем предполагалось, что основной удар немцев будет нанесен к северу от устья реки Сан, следовательно, разработчики плана предложили главные силы РККА развернуть севернее Полесья. Однако в результате вхождения Прибалтийских республик в состав СССР части и соединения Красной Армии вошли в Прибалтику и заняли Северную Буковину. Поэтому “Стратегические соображения” снова пришлось переработать. Уже 18 сентября Советскому правительству был представлен доклад “Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.”. Главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника являлось определение его главного удара. В данной ситуации Генштаб совершенно правильно определил развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан с целью нанесения главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск, Полоцк или на Каунас, Вильнюс, а затем на Минск. Считалось также, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной. Не исключался, как возможный, главный удар противника на киевском направлении с целью захвата Украины. При этом в докладе указывалось, что “наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан”... Кроме того, предполагалось, что боевые действия с обеих сторон могут начаться лишь частью сил и для стратегического развертывания главных сил противника при нападении на СССР потребуется до 15 суток. Отсюда в оперативном плане была изначально заложена стратегическая ошибка в оценке

сил и способов ведения боевых действий противником в начальный период войны. Общий замысел боевого использования основных сил Красной Армии состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границы во время сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР.

На втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов предполагалось нанести решительное поражение противнику и выйти нар. Висла, в дальнейшем развить наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой и общим замыслом отражения нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки Красной Армии на Западе». В «южном» (1-м) варианте с развертыванием главных сил к югу от Брест-Литовска выражалась идея создания наступательно-оборонительной группировки. В «северном» (2-м) варианте с развертыванием главных сил к северу от Брест-Литовска замысел предполагал перегруппировку и сосредоточение войск в течение 20 суток с опорой на укрепленные районы, чтобы активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого вторжения противника на нашу территорию. Таким образом, все зависело от той военно-политической обстановки, которая могла сложиться к началу войны.

Сам доклад Сталин и Молотов рассмотрели 5 октября 1940 г., когда в ходе обсуждения Генеральному штабу было поручено доработать его с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта.

Считается, что И.В. Сталин на том совещании высказал свою точку зрения, что Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникает по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем чтобы прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. К слову, одно время вариант основного удара вермахта на южном направлении вполне допускался. Верховное командование Германии однажды рассматривало предложение генерала фон Зоденштерна – начальника штаба группы армий «Юг», представленное в оперативной разработке 7 декабря 1940 г.

Однако, по мнению маршала Советского Союза М.В. Захарова, ключевые посты в Генеральном штабе, начиная с назначения летом 1940 г. народным комиссаром обороны маршала С.К. Тимошенко, прежде командовавшего Киевским Особым военным округом, постепенно заняли те, кто специализировался по юго-западному направлению. «Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение юго-западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на Западном театре войны их внимание невольно приковывалось к тому, что было более знакомо, тщательно изучено и проверено, что “прикипело к сердцу”, длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало на второй план другие весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий».

Доработанный «южный» вариант плана представили на утверждение Сталину 14 октября 1940 г. В нем перед главной группировкой в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау (ЦАМО РФ.Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 86).

Февраль 1941 г. стал переломным моментом в строительстве Советских Вооруженных Сил и в оперативно-стратегическом планировании их применения. Именно с этого месяца в Генштабе разрабатывалась большая программа по составлению новых оперативно-мобилизационных планов. В соответствии с «Планом разработки оперативных планов» был разработан ряд важных документов. Одновременно вносились коррективы в «План стратегического развертывания Вооруженных Сил» с учетом новых разведывательных данных о противнике и роста численного состава своих вооруженных сил. В апреле 1941 г. в Гене-

ральном штабе составили директиву на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В ней по-прежнему главная группировка Красной армии предусматривалась на юго-западном направлении в составе Киевского Особого военного округа. А Западный фронт должен был наступать совместно с Юго-Западным фронтом лишь частью сил левого крыла. При этом к середине мая 1941 г. в Генштабе сделали вывод, «что Германия полностью отмобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза и развернула тылы». Тогда нарком обороны и начальник Генштаба приняли решение предложить Сталину проявить инициативу и нанести по готовящимся к вторжению в СССР немецким войскам упреждающий удар. Очередные «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» были подготовлены в Генштабе к 15 мая 1941 г. Согласно им, главный удар предполагалось нанести силами Юго-Западного фронта, а вспомогательный – левым крылом Западного фронта (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1–2).

«С этим документом нарком и начальник Генштаба отправились к Сталину, – пишет В.А. Анфилов. – О его реакции на это предложение военного руководства документальных материалов в архивах ничего найти не удалось. А по словам Г.К. Жукова, сказанным автору этих строк, она была следующей: “Услышав о предупредительном ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. “Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать”, – прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками военных академий. “Так я сказал это, – услышали мы в ответ, – чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира”».

Принципиально важно и то обстоятельство, что руководство Генштаба «считало, что ни в коем случае нельзя отдавать инициативу действий германскому командованию». Оно рассчитывало «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Но то же руководство Генерального штаба по каким-то неведомым нам причинам не понимало, что драгоценное время для реального осуществления такого плана было уже упущено. И точно так же оно почему-то абсолютно не приняло мер по отражению готовящегося удара противника и обеспечению в этих условиях стратегического развертывания Красной армии. Но к этому «почему-то» мы еще вернемся – правда, значительно позже. А пока не забудем учесть, что «с 5 по 14 мая приграничным военным округам были направлены директивы Генштаба, где определены задачи по обороне госграницы. В них указывалось: а) Упорной обороной полевых укреплений по обороне госгранице районов:

1) Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

2) Прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа».

Следует подчеркнуть, что документ, датированный 15 мая 1941 г., на который ссылаются многие историки и к ним «примкнувшие», был написан от руки А.М. Василевским, но не подписан ни Г.К. Жуковым, ни С.К. Тимошенко. Не было в нем указано и никаких сроков. Других документов о готовящемся нападении СССР на Германию нет!

Довольно устаревшие представления о начальном периоде войны и характере оборонительных операций стали одной из причин абсолютного непонимания того факта, «что для отражения уже изготовившихся для нападения войск противника потребуются глубокоэшелонированная оборона в стратегическом масштабе и длительные, напряженные оборонительные сражения с использованием всех имеющихся сил и средств».

К великому сожалению, мало кто обратил внимание на весьма глубокое предсказание профессора военной академии Генерального штаба комдива Г.С. Иссерсона в его книге «Новые формы борьбы», вышедшей в 1940 г., где он писал: «С точки зрения осуществления новых форм военного искусства война в Испании могла быть названа прологом драмы, германо-польская война – завязкой драмы и война в Западной Европе – ее развитием. ... Финал всей драмы скрывается еще в будущей истории». Правда, профессор в угоду военной политике «шапкозакидательства», в сущности, не рассмотрел возможные варианты оборонительных операций поляков и их союзников. Оно и понятно. Характер отношений СССР с Германией не позволял этого сделать. И тем не менее важно отметить, что, по словам Иссерсона, «... в германо-польскую войну стратегия сокрушения нашла свое осуществление в формах, которые по своему качественному содержанию глубоко отличны от всего того, что знала история войск до этого времени». И еще: «Теперь фронт выносится вперед отдельными глубокими ударами быстроподвижных соединений на разных направлениях, оставляя позади себя еще ряд очагов борьбы. Конец грандиозной баталии в Польше раскрыл в этом отношении совершенно необычную картину глубокого, многоярусного сражения». Все те противоречия, которые были связаны с решительными наступательными заявлениями, постановкой перед приграничными округами сугубо оборонительных задач, выдвижение резервных армий из глубины страны на запад и т. д., не иначе как просчетами и ошибками не назовешь. В этом плане и Сталина переоценивать нельзя, если речь идет об объективности, а не о фальсификации. Но у нас сегодня и за вождя такое выдумывают, что становится, ей-богу, уже просто не смешно. А ведь он и не собирался наступать! По его же собственному мнению, это была самая главная ошибка в его жизни, когда Гитлер обманул его.

Маршал А.М. Василевский отсутствие подписи под «Соображениями...» объяснял вовсе не тем, что их отклонило руководство.

«Все стратегические решения высшего военного командования, на которых строился оперативный план, как полагали работники оперативного управления, были утверждены советским правительством, – писал он. – Лично я приходил к этой мысли, – вспоминал маршал, – потому что вместе с другим заместителем начальника оперативного управления тов. Анисимовым в 1940 году дважды сопровождал, имея при себе оперативный план вооруженных сил, заместителя начальника Генштаба тов. Ватутина в Кремль, где этот план должен был докладываться наркомом обороны и начальником Генштаба И.В. Сталину. Никаких отметок в плане или указаний в дальнейшем о каких-либо поправках к нему в результате его рассмотрения мы не получили. Не было на плане и никаких виз, которые говорили бы о том, что план был принят или отвергнут, хотя продолжавшиеся работы над ним свидетельствовали о том, что, по-видимому, он получил одобрение».

В весьма объемном исследовании М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» автор делает следующий вывод о советском военном планировании: «Имеющиеся в распоряжении историков документы советского военного планирования 1940–1941 гг. позволяют критически отнестись к традиционной официальной версии об оборонительных намерениях советского руководства. Эти материалы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство занималось подготовкой преимущественно наступательных военных действий против Германии и ее союзников. В течение полутора лет советский Генштаб тщательно и всесторонне разрабатывал планы нападения на Германию. Советско-германское военное руководство не располагало сведениями о реальных военных планах Германии, хотя конфигурация советско-германской границы позволила сделать довольно точные предположения относительно направлений возможных ударов вермахта. Однако, как показывают вышеприведенные документы, никаких мер по отражению этих ударов, многие из которых были реально запланированы и проведены в жизнь германским командованием в ходе войны, подготовлено не было. Ныне военные историки вынуждены признать, что “меро-

приятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не обрабатывалось”.

Отсутствие связи между возможным ударом врага и действиями Красной Армии опровергают версию о якобы ответном характере наступательных действий советских войск, отработке которых были посвящены военные планы».

Вот только какую связь хочет найти уважаемый историк между возможным ударом врага и действиями Красной армии, если в том, что происходило на советской стороне, вообще сложно обнаружить хоть какую-то более или менее здравую логику на фоне надвигающейся катастрофы?

С 1925 по 1940 г. в Штабе (Генштабе) РККА было разработано и переработано 15 вариантов различных стратегических планов, и ни в одном из них не предусматривалось нападение как таковое. И только в «Соображениях», подготовленных к 15 мая 1941 г., предусматривался (заметьте, именно предусматривался) упреждающий удар Юго-Западного и части сил Западного фронтов с целью сорвать развертывание и переход в наступление немецко-фашистских войск. Вот тут-то, с этих самых, неправильно понятых большинством историков терминов («упреждение», «атака»), и начинается вольное толкование отдельных документов, военных планов и стратегии в целом. А ведь выводы и обобщения советских военных теоретиков, находившихся на правильном пути и в 1920-е, и в 1930-е годы в определении характера будущей войны и ее начальных операций, так и не стали официальными взглядами. Тот же маршал А.М. Василевский в 1960-е годы вспоминал, что Генштаб исходил «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они начинаются уже изготовившимися к боевым действиям противником...» Однако «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...» Признавался в этом и маршал Г.К. Жуков, утверждая, что новые способы ведения войны в начальном периоде учтены полностью не были: «Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться не ранее существующей схемы: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений». Но ни о каком упреждении СССР Германии после 15 мая 1941 г. говорить нельзя, не обратив внимание на фундаментальные геостратегические и демографические различия в положении Германии и Советского Союза, которые играли особую военно-стратегическую роль как в Первой, так и во Второй мировой войне. «Государства с очень обширной территорией, очень длинной сухопутной границей и разнородным населением, не касаясь даже вопроса о необходимости для них держать свои вооруженные силы на различных фронтах, уже по самим размерам своим лишены возможности так же быстро, как менее обширные и обладающие однородным по составу населением, закончить свою мобилизацию и перевозку к пунктам стратегического развертывания армии», – писал в своем труде в 1909 г. русский военный теоретик А. Незнамов. В другом выдающемся труде маршала Б.М. Шапошникова (который мне удалось одолеть в первый раз в 13 лет) черным по белому написано: «Если мобилизация упреждает противника по своей длительности, то тем более остается свобода действий для дипломатии, и, наоборот, чем более продолжительна мобилизация, чем хуже она с технико-военной стороны подготовлена, тем менее свободна внешняя политика в выборе момента объявления мобилизации, вынужденная считаться с работой своего генерального штаба». Как известно, советская дипломатия не имела свободы действий – ведь советская мобилизация не упредила германскую. Многие историки почему-то не желают понимать простую истину: для упреждающего удара изначально нужна полностью отмобилизованная, развернутая, а значит, готовая выполнить любой приказ армия. Но, как известно, сам вождь на это не пошел,

ибо слепо верил в возможность оттянуть войну и всячески опасался малейшей провокации. Отсюда, с советской стороны, не произошло фактического наращивания усилий, т. к. имитацией перегруппировки Сталин лишь устрасал противника. А с той, другой стороны – война уже надвигалась.

Вернемся к советскому военному планированию. По авторитетному мнению маршала А.Е. Голованова, «какой-либо заметной роли в руководстве войсками, я не говорю о работе отдельных товарищей, Генеральный штаб как слаженный организм Верховного Главнокомандующего в 1941 году еще не играл. Его роль как планирующего и организующего центра началась, по моим наблюдениям, с подготовки контрнаступления под Сталинградом». Но разве маршал авиации для бывшего советского капитана авторитет?

Если взять Брестскую крепость, то в ней на 22 июня 1941 г. были расквартированы полки 6-й, 42-й стрелковых дивизий, их специальные части, учреждения тыла и пограничный отряд. Б.Л. Васильев пишет об этом следующее: «Бестолковость их размещения непосредственно на самой границе не столько удивляет, сколько настораживает: например, 131-й артиллерийский полк дислоцировался на внешнем крепостном обводе по берегу Буга; его отделяла от передовых частей фашистской армии полоса воды в 150 м. Да и размещение окружного (!) госпиталя в двух километрах от границы вызывает серьезные размышления, и не только сегодня: он беспокоил ответственных начальников задолго до войны. Начальник штаба 4-й армии Л.М. Сандалов в своих мемуарах “Пережитое” пишет: “...пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа. Мы решили ходатайствовать о немедленном выводе из крепости окружного госпиталя и хотя бы одной дивизии”». Однако все ходатайства командование округа оставило без ответа.

Готовность к обороне не только крепости, но и всей Красной армии весьма осложнило известное «Сообщение ТАСС», опубликованное в газете «Правда» 15 июня 1941 г. Призванное успокоить и дезориентировать противника, чтобы выиграть время, оно на самом деле в значительной степени дезориентировало расположенные близ границы наши войска.

«У командного состава, – пишет Л.М. Сандалов, – оно породило уверенность в том, что есть какие-то неизвестные обстоятельства, позволяющие нашему правительству оставаться спокойным и уверенным в безопасности советских границ. Командиры перестали ночевать в казармах. Бойцы стали раздеваться на ночь».

Добавлю, что результатом этого «Сообщения» явилось и неофициальное запрещение всему командному составу отправлять семьи на восток. Это коснулось и самого Сандалова, в то время начальника штаба 4-й армии: ему запретили вывезти приехавшую в гости 70-летнюю тещу. Все из всех сил подчеркивали, что войны просто не может быть. Вечером 21-го июня в крепости под оркестр проводился развод караулов, который с наблюдательного пункта видел Гудериан, в полках демонстрировали фильмы («Веселые ребята» и «Валерий Чкалов»), а командующий 4-й армией А.А. Коробков вместе со своим начальником штаба смотрели оперетту «Цыганский барон». Начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блументритт писал: «Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но на другом берегу Буга, перед фронтом 4-й армии и 2-й танковой группы ... все было тихо»».

Генерал Волкогоннов в составе комиссии в свое время распечатал сотни «особых папок» Политбюро ЦК довоенного и послевоенного периодов. Там было много интересных документов. Лишь не было обнаружено абсолютно ничего о конкретном тайном замысле Сталина напасть на Германию. «Атакую гигантскую операцию без планов, без оперативной штабной подготовки совершить невозможно», – писал генерал.

И я безоговорочно соглашаюсь со следующими словами Д.В. Волкогонова: «История имеет одну коренную особенность: необратимость событий. Первое сентября 1939 года и 22 июня 1941 года давно и окончательно ответили на этот вопрос».

6

Следует упомянуть и о некоторых других планах. Например, о мобилизационном плане. Являясь составной частью оперативного плана, он разрабатывался на несколько лет с ежегодной его корректировкой. К слову, только с мая 1940 г. по июнь 1941 г. такие планы в СССР кардинально перерабатывались четырежды (практика показала, что для разработки плана требовалось не менее 9 месяцев), в результате чего качество мобилизационных документов было невысоким из-за множества ошибок и неточностей. Здесь нельзя забывать о непрерывных организационных мероприятиях Красной армии, когда ее численность бесконечно изменялась, а организационно-штатная структура войск не была отработана. Частые перегруппировки не могли не сказаться на смене дислокации частей и соединений. Более того, мобилизационный план промышленности на военное время, представленный начальником Генштаба Ворошилову, пролежал у него в сейфе более месяца. И лишь после неоднократных обращений Жукова к Сталину его все-таки рассмотрели, но так и не успели утвердить. Началась война.

Или вот, например, «План обороны государственной границы 1941 г.», который также являлся составной частью плана стратегического развертывания Красной армии. По утверждению профессора В.А. Анфилова, «в ходе нарастания угрозы войны, особенно после прихода в Генеральный штаб Жукова, шел сложный процесс корректировки планов прикрытия. Обстановка изменилась так быстро, что округа не успевали качественно разрабатывать документы, утверждать их и претворять в жизнь. Наиболее существенным изменениям подвергались планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах.

Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Ленинградскому, Западному и Киевскому округам директивы были направлены 5 мая, Одесскому – 6 мая, а Прибалтийскому – 14 мая. Срок действия плана обороны был определен в течение 15 суток». (...) «Представление окружных планов на утверждение в Генеральный штаб было определено к 25 мая. Разработка планов прикрытия в округах сильно затянулась, так как явилась чрезвычайно сложным делом. Во-первых, требовалось выявить сосредоточение войск противостоящего противника; во-вторых, предусмотреть мероприятия с целью недопущения внезапного вторжения вражеских войск на свою территорию. Кроме этого упорной обороной в укрепленных районах предусмотреть надежное прикрытие от мобилизования, сосредоточения и развертывания войск, активными действиями авиации завоевание господства в воздухе, мощными ударами по коммуникациям и группировкам войск противника нарушение их выдвижения, недопущение высадки в тыл воздушных десантов и диверсионных групп». Следовательно, планы прикрытия в округах носили в первую очередь оборонительный характер. Генеральный штаб их получил только с 10 по 20 июня. То есть ни на рассмотрение, ни на утверждение их времени уже не было. Эти планы не проработали их исполнители, но самое страшное в том, что они оставались нереальными. Дело в том, что они не были рассчитаны на внезапное вторжение противника на земле и в воздухе. Все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия в угрожаемый период будет предоставлено время на от мобилизования. Таким образом, как в оперативно-стратегическом, так и в мобилизационном планировании были допущены значительные просчеты, поскольку все эти планы исходили из устаревших и ошибочных взглядов на начальный период войны, которые не учитывали возможности государства. И как следствие, «к началу войны советскому командованию не удалось создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска не были от мобилизованы и оставались в основном в штабах мирного времени, имея большой некомплект в людях и технике».

Но откуда же тогда взялась версия подготовки Советского Союза к нападению на Германию?

Не удивляйтесь, если я скажу, что не немецкие генералы и историки написали о ней первыми. И уж тем более не Резун. Впервые такое утверждение было обосновано в «НОТЕ министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года (МЕМОРАНДУМЕ)». В этом документе говорилось: «Враждебная по отношению к Германии политика Советского правительства в военной области сопровождалась ПОСТОЯННО-УСИЛИВАЮЩЕЙСЯ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ВСЕХ РАСПОЛАГАЕМЫХ РОССИЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО ЧЕРНОГО МОРЯ. Уже в то время, когда Германия основное внимание уделяла французской кампании на Западе и когда на Востоке находилось лишь незначительное количество германских войск, русское верховное командование начало систематическую переброску крупных контингентов войск к восточной границе рейха, причем сосредоточение основных сил установлено у границ Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также на границе с Румынией в Бесарабии и Буковине. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на границе с Финляндией. Дальнейшими мероприятиями в этом направлении была переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа на территорию европейской части России. После того как советское правительство в свое время заявило, что, к примеру, в Прибалтику оно введет лишь небольшое количество войск, только в этом районе после его оккупации оно постоянно увеличивало там концентрацию своих войск, насчитывающих сегодня 22 дивизии. Тем самым складывается впечатление, что русские войска все ближе подходили к германской границе, хотя с германской стороны не предпринимались никакие военные меры, которыми можно было бы мотивировать такие действия русских. И лишь бы эти действия русских вынудили германские вооруженные силы к принятию контрмер. Кроме этого, отдельные части русских сухопутных сил и ВВС выдвинулись вперед, а на аэродромах вдоль германской границы сконцентрированы крупные части ВВС. Следует также отметить неоднократные нарушения в начале апреля границы и участвовавшие случаи пролета русских самолетов над территорией германского рейха. По сообщениям румынского правительства, такие же случаи имели место и в румынских приграничных районах Буковины, Молдовы и Дуная.

Верховное главнокомандование вермахта с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству рейха на возрастающую угрозу территории рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности.

Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то они были полностью развеяны сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

Результаты наблюдения за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному Главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы. Донесения об усилившейся разведывательной деятельности, а также ежедневные сообщения о происшествиях на границе и стычках между сторожевыми охранениями обеих армий дополняют картину крайне напряженной, взрывоопасной военной обстановки».

В общем, «Ледокол» Резуна был написан по «нотам» Гитлера с помощью «хирургических» ссылок на советские источники. Расчет был верным, а удар – точным. Основная

масса читателей поверит, как верит многому, что не внушает доверия. А историков можно и за нос поводить. Чем больше они будут невпопад отвечать, тем хуже для них. Пока они будут отбиваться, Резун им – новую «ноту» от «Павлика». Так оно и продолжается до сих пор. Сам же Резун наивно убежден, что его никто не опроверг и не опровергнет. Но парадокс заключается в том, что этого предателя и не нужно опровергать. История войны уже давно написана. Ее можно только дополнить и уточнить. Но переписывать заново в угоду всяким ничтожествам – дело безнадежное, а главное – пустое. Кто желает, пусть читает книги Резуна как низкопробную беллетристику, но ни в коем случае не как объективные исторические исследования. Для звания таковых автору не хватает одного – научного подхода, который, как известно, невозможен без архивных документов и, конечно же, без правды, на которую предателю никогда не получить разрешения у своих хозяев!

Например, кадровый разведчик из ближайшего окружения адмирала Канариса Герд Бухгайт, прослуживший в абвере до 1944 г., пишет: «Абвер никогда не утверждал, что у русских шло полным ходом развертывание войск для нападения на Германию. Для этого вообще не было никаких оснований. У абвера сложилась тогда четкая картина положения противника: группировка советских войск носила сугубо оборонительный характер. Гитлер и Риббентроп точно знали, что Россия не нападет на Германию. Они неоднократно упоминали об этом в разговорах между собой и в беседах с японским министром Мацуокой в начале ноября 1940 г. Гитлер при этом выразил убеждение, что Сталин будет соблюдать договоры “пока он жив”. Также и в своем письме к Муссолини от 31 декабря 1940 г. он писал: “Пока жив Сталин и пока у нас не будет особых кризисов, я не поверю, что Россия предпримет какие-либо шаги нам во вред”. И еще в апреле 1940 г. фюрер говорил послу в России Шуленбургу, что “не следует думать о каких-либо опасностях со стороны русских”. Однако Гитлеру требовался какой-то довод, чтобы представить свою захватническую войну немецкому народу и мировой общественности как превентивно-оборонительную. Поэтому он и приказал хранить гробовое молчание в ответ на составленное лично Сталиным “Заявление ТАСС” от 13 июня 1941 г., ибо в нем Сталин назвал слухи о сосредоточении немецких войск на германско-советской границе “неуклюжей пропагандой” сил, враждебных Германии и Советскому Союзу и заинтересованных в расширении войны».

Более того, «ни в одном из германских документов первой половины 1941 г. не зафиксировано серьезных опасений по поводу возможных наступательных действий Красной армии. Напротив, продвижение ее частей к западной границе СССР рассматривалось немецкой военной разведкой как их укрепление оборонительных рубежей».

Таким образом, когда с помощью своего безудержного воображения Резун пытается поставить с ног на голову устоявшуюся оценку событий прошлого, а главное – вопреки очевидным фактам навязать читателю свою ложь, то это можно расценивать просто как очередной удар в спину преданой им Родине!

Глава 2

Адольф Гитлер как явление, или германский «мессия»

Никто в истории не вызывал такого восторга, такого поклонения, ни на кого не возлагали таких благих ожиданий, как на него, но никто другой не вызывал столько ненависти.

Иоахим Фест

1

Будущий фюрер фашистской Германии родился 20 апреля 1889 г. в семье таможенного чиновника Алоиза Гитлера (умер в 1903 г.) в Браунау-на-Инне (Австрия).

По дошедшим до нас воспоминаниям, учился он недостаточно успешно, потому как уже в юношеские годы воспринимал систематический труд как «принуждение и жесткий контроль». Его отношение к учебным дисциплинам и круг его интересов, безусловно, сказались на отметках. В школу, где преподавали презируемый им французский язык, он ходил с отвращением.

В 1924 г. профессор, доктор Эдуард Гемер, который еще двадцать лет назад преподавал Гитлеру, скажет: он «был несомненно одаренным, хотя и односторонне, но почти не умел владеть собой – по крайней мере, он слыл упрямым, самовольным, своенравным и вспыльчивым и ему явно трудно было находиться в рамках школы. Он не отличался прилежанием, иначе мог бы достичь намного лучших результатов при его бесспорных способностях».

По утверждению Вернера Мазера, «свидетельство, выданное 11 февраля 1905 г. и использованное Адольфом вместо туалетной бумаги, выглядело не просто «не очень хорошо», но попросту скверно. Его знания по немецкому, французскому, математике и стенографии были оценены как “неудовлетворительные”. “Похвально” и “отлично” он имел только по рисованию и физкультуре, остальные оценки были удовлетворительными».

И вот тут ему на помощь приходит болезнь – тяжелое заболевание легких. Сам Гитлер вспоминал: «Находясь под впечатлением моего заболевания, мать наконец согласилась забрать меня из реальной школы и дать возможность посещать художественную академию». Однако быстрое выздоровление не приносит приятных надежд. Для поступления в Венскую академию изобразительных искусств не хватает ни полученного образования, ни тем более того самого свидетельства об успеваемости. Тем не менее Гитлер уезжает в Вену (май 1906 г.), где наслаждается полной свободой и безмятежной жизнью.

Затем отправляется в Линц, где записывается в библиотеку Общества народного образования и объединения музеев, занимается музыкой (фортепьяно), ходит в театр, влюбляется в творения Вагнера, рисует красками и карандашом, пишет стихи и сочиняет музыку. Но чему он уделяет больше всего внимания, так это проектам общественных зданий, особенно театральных, и городских мостов.

Осенью 1907 г. Гитлер снова едет в Вену, чтобы попробовать поступить в художественную академию в качестве 113-го кандидата. Но только 28 абитуриентов выдержали вступительный экзамен. Гитлера в этом списке не оказалось. Ректор академии, к изумлению Адольфа, объявил ему о непригодности к живописи и о его очевидных способностях к архитектуре.

И вот теперь будущий фюрер только осознает: «Мне явно воздавалось теперь за то, что по упрямству своему я прогуливал занятия в реальной школе». Ему уже восемнадцать лет!

Вернер Мазер в качестве аргумента приводит следующее: «Осуществление его прошлой мечты стать художником, поступление в строительную техническую школу разбивается о тот факт, что он отказался закончить школу положенным по правилам выпускным экзаменом». По возвращении домой его ожидает новый удар. В декабре умирает его мать Клара Гитлер.

Оставшись сиротой, следующие пять лет своей жизни он назовет «самым печальным временем».

«У живущего в Вене скульптора Пангольцера, по профессии учителя старших классов школы и опытного педагога, он берет уроки по искусству, чтобы не растрачивать попусту время до следующего вступительного экзамена в академию», – пишет Мазер.

А осенью 1908 г. Гитлер во второй раз сдает экзамен. Однако теперь преподаватели-профессора уже не учитывают его контрольные работы по композиции и не допускают к испытанию. Полный провал вынуждает Адольфа заниматься живописью самостоятельно. До середины 1909 г. Гитлер много рисует – по шесть-семь картин (малого формата) в неделю. Как правило, это копирование почтовых открыток и гравюр, изображающих здания «Венского парламента, театра, Французской церкви, других церквей, ратуши, старый мост Фердинанда, замок» и т. д.

«Пейзажи и портреты, – рассказывает о его творчестве Мазер, – картины, написанные маслом, рисунки тушью и акварелью, даже технологически трудная графика (прежде всего гравюры), плакаты и иллюстрированные тексты для рекламы, например косметики, обуви, кремов для чистки обуви, дамского белья и даже архитектурные консультации, соединяются в нерегулярной последовательности».

Его привлекательные картины, нарисованные акварелью, продавались достаточно быстро, чем и улучшали его скудный бюджет. Что самое интересное, покупателями картин молодого Гитлера чаще всего были евреи.

Вернер Мазер пишет: «Перед началом Первой мировой войны Гитлер живет как в Вене, так и в Мюнхене с целью стать архитектором, но то, что он проектирует в эскизах, планирует и обдумывает в чертежах, отражает венский период и его негативное отношение к этому городу».

Сам же Гитлер позднее утверждал, что «если бы не началась война, то я определенно стал бы архитектором, может быть, даже одним из первых архитекторов, если не первым архитектором Германии».

Следует отметить, что в то время Адольф был еще очень робким человеком, боялся обратиться к любому, кто, по его мнению, был выше него на социальной лестнице. А уж выступать, даже перед несколькими слушателями, он не решился бы ни за что.

Весной 1913 г. (ему 24 года) Гитлер покидает Вену и переезжает в Мюнхен. В этом городе он живет в страхе «опуститься до уровня люмпенов, обитателей домов для бедных или пролетариев». Впоследствии он писал о Вене: «Мне стал противен этот расовый конгломерат австрийской столицы, противна эта смесь народов – чехи, поляки, венгры, русины, сербы, хорваты и т. д., а между всем этим вечная опухоль человечества – евреи и снова евреи. Этот гигантский город стал мне казаться чем-то вроде воплощения кровосмесительного греха...»

В Мюнхене же, по мнению его биографов, Гитлер «не был совсем уж несчастлив», испытывая в глубине души любовь к этому городу благодаря «чудесному союзу первобытной силы и тонкого художественного настроения». Здесь он продолжает рисовать, считая себя плохим художником. Но тот же Вернер Мазер указывает: «Немало великих художников оставили после себя картины и эскизы хуже, чем у Гитлера. То, что Гитлер не создал по-

настоящему значительные произведения изобразительного искусства, отличает его, однако, в основном от художников, которые нашли свое прочное место в истории искусства».

Между тем именно мюнхенский период Гитлер назовет самым счастливым в своей жизни. Впрочем, в ту пору он живет в одиночестве, избегая тесных контактов и дружбы, проводя время за чтением книг и газет, и, как всегда, рисует.

За свой труд Гитлер получает 100 марок в месяц, значительную по тем временам сумму, ведет богемную жизнь, изысканно одевается, впечатляя своих клиентов интеллигентностью и особым вкусом. Тогда же его портной, некий Попп, отметит в нем личность, «способности которой дают основания для больших надежд».

Но вот размеренную жизнь должен нарушить призыв в армию. Иоахим Фест сообщает: «Он хотел увильнуть от прохождения военной службы. Чтобы больше запутать дело, он, явившись в Мюнхен, не только зарегистрировался в полиции как человек без подданства, но и затем неверно указал в автобиографии дату отъезда из Вены: Гитлер покинул этот город не весной 1912 года, как он будет утверждать, а в мае следующего». Все же мюнхенская полиция его нашла 10 января 1914 г., а через восемь дней он получил повестку.

Добившись прохождения освидетельствования «из-за финансовых затруднений» в Зальцбурге в феврале этого же года, Адольф «был признан непригодным к службе в армии, слишком слабым». Но с началом Первой мировой войны он сам подает прошение на имя короля Баварии с просьбой разрешить ему, австрийскому подданному, поступить добровольцем в один из баварских полков. Это было 3 августа. А 4-го он получил предписание явиться в казармы 16-го Баварского резервного пехотного полка «Лист».

В октябре 1914 г. солдат 1-й роты 16-го Баварского полка Адольф Гитлер отправляется на фронт, где его полк участвует в битве на Изере (29 октября), в битве под Иперном (30 октября – 24 ноября). Уже в ноябре Гитлеру присваивают звание ефрейтора, а через неделю (9-го) переводят в штаб полка.

Иоахим Фест пишет: «На протяжении всей войны Гитлер был связным, доставляя приказы из штаба полка на передовые позиции. Эта служба, во время которой ему приходилось полагаться только на самого себя, как нельзя лучше отвечала его характеру одиночки. Один из его тогдашних командиров потом вспоминал о нем как о «способном, несколько невоенного вида человеке, который поначалу ничем не отличался от своих товарищей. На него можно было положиться как на добросовестного и, по словам того же источника, твердого человека. Но и здесь он считался чудачком, “чокнутым”, – так единодушно говорили о нем другие солдаты. Часто он сидел “в углу, с каской на голове, погруженный в свои мысли, и никто из нас не мог вырвать его из этой апатии”. Все оценки, а их за эти без малого четыре года набралось довольно много, звучат примерно так же. Оценки эти совершенно банальны, но их бесцветность отражает лишь серость самого объекта».

В декабре 1914 г. (2-го) Гитлера награждают Железным крестом II степени, как раз в период позиционных боев во Французской Фландрии. В битве на Сомме (с 26.09.1916 г.) он получает ранение в левое бедро под Ле Баргом (5.10). С 9 октября по 1 декабря находится в лазарете Красного Креста в Белице. В сентябре 1917 г. его награждают Железным крестом с мечами за военные заслуги III степени за участие в позиционных боях в Верхнем Эльзасе.

В мае 1918 г. Гитлер получает полковой диплом за выдающуюся храбрость под Фонтане (9-го) и знак отличия раненых. В августе (4-го) Гитлер удостоивается Железного креста I степени, за участие в активных оборонительных боях на Марне (с 25 по 29 июля 1918 г.) и наградой «За службу» III степени (25-го).

Следует отметить, что, по мнению командиров, будущий фюрер нацистской Германии считался «осмотрительным, очень смелым и отличным солдатом». Об этом свидетельствуют и его множественные награды и ранения, которые полностью подтверждены документами. «Как пеший связной он был образцом хладнокровия и смелости, как в позиционной войне,

так и в маневренной и постоянно добровольно проявлял готовность проносить донесения в самых трудных ситуациях с риском для жизни. После того как были оборваны все линии связи в тяжелой боевой обстановке, лишь благодаря неустанной и самоотверженной работе Гитлера все важные донесения доставлялись, несмотря на трудности. Гитлер получил Железный крест II степени за храброе поведение в битве при Вичаате 2.12.1914. «Я считаю Гитлера достойным награждения Железным крестом I степени», – указывалось в представлении о награждении, поданном обер-лейтенантом бароном фон Гоудином от 31 июля 1918 г.

Видимо, эта сторона биографии будущего фюрера вполне закономерно придала ему некоторую твердость и сознание собственной значимости. По мнению самого Адольфа, война перевернула его сознание.

Иоахим Фест считает, что «на фронте он понял значение солидарности, получил кое-какие навыки самодисциплины и, наконец, обрел ту веру в судьбу, которая характеризует патетический иррационализм его поколения в целом. Мужество и хладнокровие, проявленные им под шквальным огнем, обеспечили ему довольно высокий авторитет у однополчан. “Если Гитлер рядом, – говорили они, – то ничего не случится”». Кажется, эта уверенность произвела большое впечатление и на него самого, так как явно укрепила в нем ту веру в свое особое предназначение, которую он настойчиво хранил в себе даже в годы неудач.

2

Осенью 1918 г. в ходе оборонительных боев во Фландрии Гитлер попадает под много-часовой беглый обстрел газовыми снарядами. Страшные боли сменились временной потерей зрения. Именно после этого ранения, оказавшись в лазарете, он с ужасом узнает о революции, о свержении династии Гогенцоллернов и о провозглашении республики в Германии. Впоследствии, объясняя свое решение заняться политикой, Адольф будет постоянно ссылаться на это событие.

Неожиданное поражение раз и навсегда перечеркивало все годы его военных страданий, едва не стоивших ему жизни. Не меньше переживал он и утрату статуса солдата-фронтовика.

После выписки из лазарета Гитлер прибыл в Мюнхен в казармы запасного батальона, а в начале февраля 1919 г. записался добровольцем в службу охраны лагеря для военнопленных. Но лагерь вскоре распустили и Адольфу пришлось снова занять койку в казармах своего полка и вступить в Баварскую Красную армию.

После ликвидации власти Советов он работает на следственную комиссию 2-го пехотного полка: собирает сведения для допросов, вычисляет солдат, служивших красному режиму и т. д. Вскоре за успешное выполнение задания Гитлера направляют на политические курсы агитаторов. Они были организованы командованием 4-го отряда баварской армии при поддержке руководства берлинского рейхсвера.

Вот что сообщает В. Мазер: «Гитлер получает информацию в рамках предписанных лекций и семинаров в университете по следующим темам:

1. История Германии с начала реформации (проф. Карл Александр фон Мюллер).
2. Политическая история войны (он же).
3. Теория и практика социализма (Карл фон Ботмер, писатель и журналист).
4. Наше экономическое положение и условия мира (доктор Михаэль Горлахер, управляющий объединением сельскохозяйственных и агропромышленных обществ Баварии).
5. Связь внутренней и внешней политики (Карл фон Ботмер)».

Все это Гитлер прослушал с 5 по 12 июня 1914 г.

«На втором курсе, который продолжался с 26 июня до 5 июля, – продолжает Мазер, – и который мог тоже посещать и, вероятно, посещал Гитлер, читали лекции: по внешней политике с конца войны – Карл фон Ботмер, доктор Пиус Дирр (баварский депутат и руководитель Мюнхенского государственного архива) – о “России и господстве большевиков”; доктор Хассельбергер (правительственный чиновник) – о “Жестокой экономике с ограничениями в хлебе и зерне”, профессор Эрих Маркс – о “Германии 1870–1900 годов”; Карл Майр – о значении рейхсвера, доктор Мерд (правительственный чиновник) – о “Политике цен в народном хозяйстве” и профессор Цан (шеф статистического ведомства страны) – о “Баварии и о единстве рейха”».

Буквально через несколько дней Гитлера назначают на должность «доверенного лица» или «агента», выступающего с докладами перед солдатами. А когда формируется группа агитаторов для военного лагеря Лехфельд, его назначают туда.

«Здесь он учился так наполнять изначальный материал своих маниакальных мировоззренческих идей актуальным содержанием, чтобы его основные положения казались неопровержимыми, а текущие политические события обретали вселенский масштаб. И те черты оппортунизма, которые придадут твердолобости национал-социалистической идеологии столь своеобразный характер беспринципности, тоже не в последнюю очередь имели своей основой неуверенность начинающего оратора, которому приходилось опробовать на

публике эффективность своей одержимости и искать для своих экзальтированных мыслей гарантирующие отклик формулировки», – считает Иохим Фест.

В его ораторском опыте скоро наметились «легко доступная манера» изложения и страстный «фанатизм». Но самое главное, он особенно напирал на опасность еврейства, «версальский позор» и пагубность «интернационализма».

В сентябре 1919 г. Гитлеру поручили побывать на собрании «Немецкой рабочей партии» (DAP), установить характер этого объединения и написать отчет. После доклада на тему «Как и какими средствами можно устранить капитализм?» началась дискуссия. И вот среди всего лишь нескольких десятков присутствующих Гитлер попросил слова и с яростью обрушился на предыдущего оратора.

Когда он покидал собрание, ему предложили «захаивать еще». А через несколько дней Гитлеру пришлют членскую карточку под номером 55, и он пойдет на предстоящее заседание комитета. Так, вступив в ДАП, Гитлер стал седьмым членом комитета, ответственным за агитацию и пропаганду. Ему уже тридцать, и теперь он мечтает о политической карьере, а выход из неудовлетворенности прошлого находит «в ораторском даре, чью триумфальную мощь он открыл в себе фактически только теперь». С присущим ему фанатизмом Гитлер «принимается за превращение боязливой, статичной застольной компании в шумную, публичную боевую партию». Арендовав за пятьдесят марок подвальное помещение пивной «Штернэккерброй», Гитлер организует штаб. «Там поставили стол и пару взятых напрокат стульев, установили телефон и привезли несгораемый шкаф для членских карточек и партийной кассы. Вскоре появилась старая пишущая машинка “Адле” и печать».

Дальше – больше. Гитлер расширяет состав комитета до двенадцати человек, привлекая в первую очередь тех, кто предан ему лично.

В феврале 1920 г. партия Гитлера готовит свой первый большой митинг в главном зале пивной «Хофбройхаус», где присутствует уже две тысячи человек. Сам новый вождь выступает вторым, нападая, как всегда, на трусость правительства, на Версальский договор и, конечно же, на евреев. Но самое главное – он зачитывает новую программу партии, на выработке которой настоял незадолго до мероприятия.

«Программа, – как пишет один из биографов, – содержала 25 пунктов и соединяла в себе более или менее произвольно собранные и объединенные их эмоциональной притягательностью элементы уже знакомой идеологии “фелькише” с актуальными потребностями нации в протесте и ее стремлению к отрицанию действительности».

Фактически через неделю партия была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию – NSDAP (НСДАП) и одновременно переняла боевой символ своих единомышленников – свастику. В «Майн кампф» – «Моей борьбе» – Гитлер вскоре напишет: «Я многому научился у марксизма. Я признаю в этом без обиняков. Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю, этой абсурдной чепухе... Но я научился их методам. Только всерьез взялся за то дело, которое робко начали эти мелкие торгашеские и секретарские душонки. В этом и заключается весь национал-социализм. Приглядитесь только повнимательнее... Ведь эти новые средства политической борьбы идут, по сути, от марксистов. Мне надо только было взять и развить эти средства, и я имел, по сути, то, что нам нужно. Мне надо было только последовательно продолжать то, что десять раз сорвалось у социал-демократов, в частности, вследствие того обстоятельства, что они хотели осуществить свою революцию в рамках демократии. Национал-социализм – это то, чем марксизм мог бы быть, если бы высвободился из абсурдной, искусственной привязки к демократическому строю».

Теперь в партии 193 человека, из которых более двадцати составили кадровые военные. В этом плане капитан Эрнст Рем будет помогать партии людьми, оружием и деньгами.

В свастике Гитлер, как никто другой, уловил «силу психологического воздействия этого символа и стал последовательно внедрять его, включив свастику в партийный значок, ношение которого он сделал обязательным». Кроме того, «Гитлер ввел римское приветствие, следил за правильностью присвоения рангов и ношением униформы и вообще придавал очень большое значение всем вопросам формального характера – режиссуре выходов, декоративным деталям, все более усложнявшемуся церемониалу освещения знамен, демонстрациям и парадом, вплоть до массовых спектаклей партийных съездов, где он дирижировал колоннами людей на фоне каменных колонн, щедро удовлетворяя тем самым свой талант комедианта и свой талант архитектора.

Немало времени потратил он, перелистывая старые журналы по искусству и роаясь в геральдическом отделении Мюнхенской государственной библиотеки в поисках изображения орла, который должен был быть воспроизведен на официальной печати партии. И свой первый циркуляр в качестве председателя НСДАП от 17 октября 1921 г. он посвящает подробнейшему изложению партийной символики и обращает внимание руководства местных партийных групп на то, чтобы «самым строжайшим образом пропагандировать ношение партийного значка (партийной кокарды). Неукоснительно требовать от всех членов везде и всегда появляться с партийным значком. С евреями, которым это не понравится, обходиться тут же на месте безо всякой жалости», – пишет И. Фест.

Теперь принцип Гитлера «гласил: каждые восемь дней – массовый митинг. В перечне 48 партийных мероприятий, проведенных с ноября 1919 года по ноябрь 1920 года, на 31 он фигурирует как выступающий». И всякий раз Адольфа Гитлера встречают «бурные аплодисменты», а «его бойцы срывают собрание левых, заглушают своим ревом выступления участников дискуссий».

Во внутрипартийной борьбе, которая шла вокруг фюрерства, ему также пришлось проявить завидную волю. Так как одно время всеми делами ведал комитет, то Гитлеру в буквальном смысле силой пришлось вытеснить одного из председателей, заняв его место. Затем он даже «подавал в отставку», когда против него пытались бунтовать. Сработало и это, ведь партия уже не могла обойтись без Гитлера!

По словам В. Мазера, «с самого начала своей политической карьеры Гитлер использовал интриги, одержимость карьеризмом, темное прошлое и особенно ярко выраженное тщеславие среди своих подчиненных – в большинстве случаев мелкобуржуазного происхождения». Не менее важно и то, что «Гитлер отверг слияние своей партии не только с мелкими группировками, существующими после 1918 года в большом количестве, но и с крупными группировками и политическими партиями». Он «в зародыше уничтожал все попытки ассимилировать НСДАП или сделать ее равноправным партнером. С самого начала своей политической деятельности Гитлер был не только последовательным противником всех демократических, консервативных, социалистически и коммунистически настроенных политических партий, но и всех правых и праворадикальных конкурентов НСДАП, независимо от того, признавали ли они в принципе его мировоззрение и взгляды на воплощение его “политического движения”».

На протяжении 1922 г. Рудольфом Гессом была организована одиннадцатая сотня из студентов, пополнившая ряды штурмовиков – СА. Тогда же в СА вступили члены бывшего Добровольческого отряда Россбаха, составив отряд самокатчиков. «Подразделения связи, моторизованный отряд, артиллерийская батарея и отряд кавалерии» лишний раз подчеркивали, что это партия нового типа.

В ноябре 1922 г. НСДАП насчитывала более 55 тысяч человек. Как пишет И. Фест, «приток объяснялся не только приказом по партии, согласно которому каждому члену вменялось в обязанность ежеквартально вербовать трех новых, а также одного подписчика на

“Фелькишер Беобахтер”, но и растущей уверенностью Гитлера в своих способностях оратора и организатора».

«С февраля по ноябрь 1923 года в НСДАП вступают 35 000 новых членов, а СА насчитывает почти 15 000 человек. Стоимость имущества партии к этому же времени возрастает до 173 000 марок золотом». Что и говорить, огромную услугу Гитлеру оказал экономический кризис, потрясший Германию. Как писал У. Черчилль: «В результате общей финансовой и политической дезорганизации Германии, включая выплату репараций с 1919 по 1923 год, ее экономическое положение ухудшилось. Гнев и ярость немцев, вызванные французской оккупацией Рурской области, привели к тому, что в печати появилось множество безрассудных заметок, в которых обсуждалась возможность уничтожения всей основы денежного обращения. В конечном счете инфляция поглотила сорок три миллиона фунтов стерлингов. Социальные и экономические последствия этого были катастрофическими. Средний класс потерял все свои сбережения, что толкало его под знамена национал-социализма». И действительно, общественность Германии теперь концентрировалась на попытке национального самоутверждения. А об этом как раз и говорил изо дня в день Адольф Гитлер!

«Падение марки разрушило основы благополучия германской средней буржуазии, многие представители которой в своем отчаянии стали сторонниками новой партии и находили облегчение своему горю в ненависти, мести и патриотическом угаре. Гитлер с самого начала дал понять, что путь к власти лежит через борьбу против Веймарской республики, рожденной позором поражения», – продолжает У. Черчилль.

И вот мы подходим к кульминации, а именно: к кровавому финалу ноябрьского путча 1923 г. В это время Гитлер сумел собрать вокруг себя группу решительных сторонников. И теперь наступило то самое время, когда нужно было попробовать захватить власть в Баварии.

«Гитлеровский план путча был наивен», – считает Гвидо Кноп. Далее он, в частности, пишет: «Рейхсвер даже и не думал сотрудничать с путчистами. Напротив, утром 9 ноября крупные подразделения рейхсвера и земельной полиции Баварии были стянуты к зданию бывшего военного министерства». «Короткая эйфория “революционеров” в трактире “Бюргербройкеллер” уже утром 9 ноября уступила место протрезвлению. В последней попытке удержать ситуацию под контролем Людендорф приказал путчистам пройти маршем по улицам Мюнхена. Шествие по городу должно было привлечь к себе внимание, вызвать поддержку масс и вызволить из окружения Рема и его сообщников». «Участники марша застали врасплох полицейских оцепления, которые попытались сопротивляться с помощью резиновых дубинок, винтовок и карабинов. Но колонна продолжила движение вперед, несмотря на требование полиции остановиться. Тогда между оцеплением и участниками марша вклинилось новое подразделение полиции. Неожиданно между враждебными сторонами появился Ульрих Граф, бывший фронтовик элитной части “Мертвая голова”, и громко закричал: “Не стрелять! Здесь идут его превосходительство Людендорф и Гитлер!” Но рев толпы заглушил его призыв. Над площадью Одеона раздался выстрел. Как подкошенный рухнул на землю человек в мундире, вахтмейстер полиции Финк. На улицах началась ружейная стрельба, похожая на настоящий бой, который продолжался около минуты».

И. Фест считает, что «тупой героизм Людендорфа имел в первую очередь своим следствием разоблачение Гитлера, который в тот день во второй раз показал свою несостоятельность. Свидетельства его приверженцев расходятся лишь в несущественных деталях. Рассказывают, что еще до того, как все было уже решено, он выскочил из скопления бросившихся в укрытие спутников и кинулся наутек. Он оставил на поле боя убитых и раненых, и потом, вспоминая те события, говорил, что в той суматохе он был уверен, что Людендорф убит. Но ведь тогда тем более требовалось его присутствие».

Во время ноябрьского путча было убито и смертельно ранено 16 человек из числа шедших в колонне и трое полицейских. И до сих пор непонятно: почему Гитлер струсил?

Ведь, судя по фронтовым наградам, на него это не должно быть похоже. Но факт есть факт! Несколько по-иному звучит версия у Г. Кноппа: «В ходе пальбы был убит друг Гитлера Макс-Эрвин фон Шойбнер-Рихтер. Падая, он увлек за собой Гитлера, и тот вывихнул руку. Охранник Граф был ранен и опустился на колени возле лежащего Гитлера. Этот факт впоследствии послужил рождению легенды о том, что телохранитель якобы бросился на Гитлера, прикрыл его своим телом и принял на себя пули, предназначенные фюреру».

Так или иначе, фюрер после позорного провала путча «прятался в Уффинге у озера Штаффельзее, в 60 километрах от Мюнхена, в загородном доме Хелены Ганфштенгель, где лечил доставлявшую ему сильную боль вывихнутую ключицу. Заикаясь, он говорил, что все кончено и ему следует застрелиться, однако Ганфштенгелям удалось отговорить его от этого. Два дня спустя он был арестован и с “бледным, изможденным лицом, на которое падала непослушная прядь волос”, препровожден в крепость Ландсберг-на-Лехе».

Оказавшись в тюрьме, Гитлер снова говорил, что застрелится, и никак не мог побороть свое отчаяние. На первый взгляд казалось, что достигнутым за четыре года успехам пришел конец. Однако именно в заключении станет понятно, какие уроки нужно извлечь из неудачи ради победы в будущей борьбе. Именно они определяют весь его дальнейший путь!

3

В феврале 1924 г. в здании бывшего военного училища на Блютенбургштрассе проходил процесс по делу о государственной измене...

Оправившись после поражения, Гитлер не желал признавать себя виновным. «Я не могу признать себя виновным, – говорил фюрер суду. – Да, я признаю, что совершил этот поступок, но в государственной измене я себя виновным не признаю. Не может быть государственной измены в действии, направленном против измены стране в 1918 году. Между прочим, государственная измена не может состоять в одной только акции 8–9 ноября – по меньшей мере ее нужно осматривать в отношениях и действиях за недели и месяцы до этого. Если уж мы совершили государственную измену, то я удивляюсь, что те, кто имел тогда такое же намерение, не сидят рядом со мной на этой скамье. Я, во всяком случае, должен отклонить это обвинение, пока мое окружение здесь не будет дополнено теми господами, которые вместе с нами хотели этого поступка, оговаривали и подготавливали его до мельчайших деталей. Я не чувствую себя государственным изменником, я чувствую себя немцем, который хотел лучшего для своего народа».

Как пишет Иоахим Фест: «Даже прокурор в своей обвинительной речи не поскупился на бросавшиеся в глаза комплименты в адрес Гитлера, расхвалив его “уникальный ораторский дар” и посчитав, что было бы “все же несправедливо называть его демагогом”». «И чем дальше длился процесс, тем в большей мере исчезали для Гитлера авантюристичность, ирреальность и полная безысходность операции. Уходило на задний план его, собственно говоря, весьма пассивное и растерянное поведение в то утро. Ко всеобщему изумлению, ход событий приобретал все больше и больше вид изобретательного, тщательно спланированного и вполне увенчавшегося успехом мастерского путча». Далее известный немецкий историк резюмирует: «неудавшийся путч 9 ноября – одна из огромных и решающих вех в жизни Гитлера: закончились годы его ученья, а в более точном смысле можно сказать, что только теперь и состоялось вступление Гитлера в политики».

Тем не менее приговор, прозвучавший 1 апреля 1925 г. (за две с половиной недели до тридцатипятилетия) за государственную измену, предусматривал пять лет заключения и выплату 300 золотых марок. Однако, несмотря на это, в тюрьме фюреру было предоставлено право свободного и даже комфортабельного времяпровождения, «что максимально способствовало его персональным амбициям». Тот же И. Фест утверждает: «В обеденное время он сидел во главе стола под знаменем со свастикой, его камера убиралась другими заключенными, а в играх и легких работах он участия не принимал. Попадавшие в тюрьму единомышленники должны были “незамедлительно докладывать о себе фюреру”, и регулярно в десять часов, как рассказывается в одном из свидетельств, проходила “летучка у шефа”. В течение дня Гитлер занимался поступающей корреспонденцией».

«За месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, – писал о Гитлере У. Черчилль, – он успел закончить в общих чертах “Майн кампф”, – трактат, излагавший его политическую философию и посвященный памяти павших в недавнем путче. Ко времени, когда Гитлер в конце концов пришел к власти, ни одна книга не заслуживала более тщательного изучения со стороны политических и военных руководителей союзных держав. В ней было все: и программа возрождения Германии, и техника партийной пропаганды, и план борьбы против марксизма, и концепция национал-социалистического государства, и утверждения о законном праве Германии на роль мирового лидера. Это был манифест веры и войны: напыщенный, многословный, бесформенный, но исполненный важных откровений».

И действительно, в первых числах июня Гитлер начинает работу над этой книгой, первая часть которой была написана за три с половиной месяца. «Задуманная поначалу как отчет

об итогах “четырёх с половиной лет борьбы”, эта книга превратилась затем в своего рода смесь из биографии, идейного трактата и учения о тактике действий и имела одновременно своей целью изготовление легенды о фюрере. В его мифологизирующем изображении жалкие, затхлые годы до вступления в политику приобретали благодаря смело вплетенным узорам нужды, лишений и одиночества характер некой фазы аккумуляции и внутренней подготовки, как бы тридцатилетнего пребывания в пустыне, предусмотренного Провидением. Будущий издатель книги Макс Аман, явно ожидавший получить автобиографию с сенсационными подробностями, был поначалу чрезвычайно разочарован рутинностью и многословием этой скучной рукописи», – сообщает И. Фест.

Согласно официальной версии, фюрер надиктовывал свою книгу Рудольфу Гессу в тюрьме. Однако, по признанию самого автора, самым первым книгу начал записывать телохранитель Морис, потом он сам, а уже позже подключился Гесс.

На Нюрнбергском процессе Гесс показал, что в 1923 г. он практически ежедневно приводил в камеру Гитлера профессора Мюнхенского университета Карла Хаусхофера, который надиктовывал текст книги. А ее редактуру и правку осуществлял священник Бернард Штемплер.

Генерал-майор Карл Хаусхофер (27.8.1869–15.03.1946), выдающийся германский геополитик, один из основоположников-классиков этой науки, автор 40 томов и свыше 400 эссе по различным вопросам истории, географии, культуры, политики, экономики и геополитики. В прошлом профессиональный военный разведчик. С 1897 г. – на военно-дипломатической и разведывательной работе в Юго-Восточной Азии, Индии, Тибете, Монголии, Синьцзяне (Китай), Маньчжурии, Японии. С 1908 по 1910 г. – военный атташе в Японии. В 1911 г. вернулся в Германию, где работал сначала научным сотрудником, стал доктором, а с 1921 г. профессором Мюнхенского университета. Основатель и руководитель знаменитого Института геополитики в этом университете. В 1924 г. основал и возглавил журнал «Геополитика». До Первой мировой войны был личным советником кайзера Вильгельма II по дальневосточным проблемам. В Первую мировую командовал дивизией. Сторонник союза Германии и Японии при участии России. С 1916 по 1918 г. принимал активное участие в тайных сепаратных переговорах между Германией и воевавшей на стороне Антанты Японией, с целью заключения с ней сепаратного мира. Прекрасно разбирался в вопросах астрологии, оккультных наук, конспирологии, истории и современности различных тайных обществ. В 1946 г. покончил жизнь самоубийством накануне допроса в Нюрнбергском трибунале.

Поэтому, нет ничего удивительного, что именно Хаусхофер смог бы «помочь написать «Майн кампф». Но очевидно, что идеи Хаусхофера не были реализованы полностью. «Так, к примеру, Гитлером была целиком и полностью отвергнута идея Хаусхофера о “евразийском континентальном блоке” по оси Берлин – Москва – Токио. Этот “евразийский блок”, по мысли Хаусхофера, должен был стать главным звеном всей немецкой международной практики и военной стратегии. Но вместо геополитического союза с Москвой, продиктованного научными геополитическими соображениями, обоснованными и развитыми Карлом Хаусхофером, гитлеровцы предпочли преступное (и самоубийственное для них самих) нападение на СССР...»

Сам Карл Хаусхофер утверждал, что в области философии и геополитики Гесс был более образованным, чем Гитлер. Следовательно, все эти идеи, а особенно связанные с «жизненным пространством», фюрер подчеркнул у Гесса. Последний не просто помогал Гитлеру написать «Майн кампф», а продиктовал для этой книги много глав.

Примечательно, что когда Хаусхофер замечал у обоих отсутствие тех или иных представлений в области географии, то он приходил к Гессу и объяснял ему основы книги Рассела по геополитике. Гесс, в свою очередь, впитывал информацию, как губка, и разжевывал ее Гитлеру. После Второй мировой войны Хаусхофер рассказывал о том как “Гитлер испы-

тивал к нему определенную долю недоверия, “недоверия недоучки к образованному человеку с научной базой”».

Подтверждает это и Фест. В частности, он пишет: «Мысль о жизненном пространстве, придавшая ей решающий поворот, попала в мир идей Гитлера через Рудольфа Гесса. Благодаря своему навязчивому восхищению “этим мужем”, как любил он называть Гитлера с прерывающимся от восторга дыханием истинного верующего, Гесс сумел в годы заключения в крепости Ландсберг со временем оттеснить всех соперников, в частности Эмиля Мориса, который выполнял обязанности секретаря Гитлера. Тот же Гесс – очевидно, еще в 1922 году, – помог Гитлеру установить личный контакт со своим учителем Карлом Хаусхофером, который развил плодотворную отрасль политической географии – основанную англичанином сэром Хэлфордом Макиндером геополитику, – в философию империалистической экспансии».

Если же говорить о взглядах Гитлера на еврейский вопрос, то людьми, которые их сформировали, считаются писатель и поэт Дитрих Эккарт и немец из Прибалтики – Альфред Розенберг. Известно, что именно последний, прочитав в России «Протоколы сионских мудрецов», стал убежденным противником «международного заговора евреев». Затем, уже в Мюнхене, с помощью все того же Д. Эккарта и других издателей-антисемитов, его привлекли к работе в качестве исследователя и писателя. Гитлеру особенно понравилась «вера Розенберга в то, что историю человечества можно объяснить с расовой точки зрения: это как раз полностью совпадало с его мировоззрением. Только в отличие от него Розенберг мог предоставить исторические доказательства этого».

По мнению Ханфштенгля, Гитлер в буквальном смысле был околдован Розенбергом. Поэтому не случайно последний работал сначала помощником редактора, а потом и редактором «Фелькишер Беобахтер», став наиболее близким единомышленником Гитлера в формулировании мировоззрения нацистов.

Гитлер, как никто другой, «разделял уверенность Розенберга в том, что орудиями в осуществлении еврейского мирового заговора, направленного против всех государств, с последующим достижением мирового господства, является римско-католическая церковь и международное масонство».

В сущности, «еврей» стал универсальным врагом Гитлера. И если бы его не было, то его «следовало бы выдумать». «Нужен зримый враг, а не кто-то абстрактный», – говорил он.

В «Майн кампф» Гитлер во главу угла поставил расу. «Для решения расового вопроса требовалось, с одной стороны, отделять от тела народа умственно, генетически и физически неподходящих, с другой стороны, сохранять и множить наиболее ценные (германские) черты. Наряду со стародавней традицией вводились концепции генетики, или “расовой гигиены”; в “Майн кампф” они были доведены до крайности...»

Информация к размышлению: «Майн кампф». 18 июля 1925 г. выходит ее первая книга под названием «Расплата». Она была продана в этом году в количестве почти 10 000 экземпляров, а в 1926-м – еще около 7000. 10 декабря 1926 г. выходит вторая книга под названием «Национал-социалистическое движение». В 1927 г. обе книги продаются в количестве более 5600 экземпляров, а в 1928 г. – только более 3000. По некоторым данным, на полученные доходы Гитлер купил усадьбу в Оберзальцберге (в 1929 г. за 30 000 марок). Уже после прихода Гитлера к власти «Майн кампф», как «партийная Библия», стала обязательной книгой для всех немцев.

Известно, что ее вручали молодоженам, ее получали в подарок родители новорожденного ребенка, ее изучали в школах, учебных заведениях, в армии и на флоте.

Книга Гитлера была переведена на 16 языков мира с общим тиражом в 10 млн экземпляров. При этом цитировать «Майн кампф» без разрешения министерства пропаганды было запрещено.

Впоследствии Гитлер передал права на издание книги руководству Баварии до 31 декабря 2015 г., а после войны правительство Баварии заключило соглашение с федеральным правительством о невозможности издания «Майн кампф» на территории Германии и других стран. Однако книга издается и по сей день. Более того, большинство немецких библиотек имеет ее в своих фондах в свободном обращении.

Если же говорить о языке и стиле этой книги, то, как пишет неизвестный автор, «книга все время прибегает к набору утверждений и никогда – или лишь изредка – к аргументации. Это нагромождение – зачастую черновой набросок самоочевидностей (по крайней мере, выдаваемых за таковые) и неустанно повторяемых достоверностей.

Как идея, она подпирается всем, что, как кажется, к ней подходит – без всякого анализа, без обсуждения возможных возражений, без единой ссылки. Нет ни знания, подлежащего установлению, ни мысли, подлежащей завоеванию. Есть лишь провозглашение уже приобретенной, всецело наличествующей истины». К слову, в этом труде Гитлера насчитывается более 164 000 синтаксических ошибок.

4

В декабре 1924 г. Гитлера досрочно освободили из заключения. Поводом для такой милости послужил его «образцовый стиль поведения и такт», а точнее, – обыкновенная характеристика, выданная 15 сентября директором тюрьмы. В ней говорилось: «Гитлер проявляет себя как человек порядка и дисциплины не только в отношении самого себя, но и в отношении других заключенных. Он послушен, скромен и услужлив. Не предъявляет никаких претензий, отличается спокойствием и пониманием, серьезностью и полным отсутствием агрессивности, со всем тщанием старается переносить наложенные приговором ограничения. Это человек без личного тщеславия, питанием в тюрьме доволен, не курит и не пьет и при всем товарищеском отношении к другим заключенным умеет обеспечить себе определенный авторитет...»

Не потому ли перед освобождением окрепший в борьбе фюрер с иронией назовет время, проведенное в крепости, «высшей школой за государственный счет»? И, судя по всему, он имел полное право так говорить: ведь «Майн кампф» создавалась именно там! Там, в крепости, до поздней ночи можно было слышать стук пишущей машинки и его полнотонный, но несколько сдавленный (будто из-за заложенного носа) голос. «Голос – пронзительный, гортанный, угрожающий, беснующийся», – таким запомнил его Герман Раушнинг. Целыми днями и вечерами Гитлер диктует текст Рудольфу Гессу.

– Отношение Германии к России я считаю необходимым подвергнуть особому разбору, – говорил он. – И это по двум причинам. Первое. Эта проблема имеет решающее значение для всей вообще иностранной политики Германии в целом.

Второе. Эта проблема является оселком, на котором прежде всего проверяются политические способности нашего молодого национал-социалистического движения; на этом оселке мы проверяем, насколько в самом деле мы способны ясно мыслить и правильно действовать...

Уже тогда, в 1924 г. вопрос об отношении Германии к России, по мнению фюрера, составлял самую важную проблему всей иностранной политики Германии.

– Наше государство, – продолжает Гитлер, – должно прежде всего стремиться установить здоровую, естественную, жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий, с другой. Только так наша иностранная политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве. Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое другое положение вещей, если оно длится даже столетиями или тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым. Раньше или позже такое положение принесет величайший вред народу и может даже привести к его полному уничтожению. Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория. Чтобы установить, как велика должна быть необходимая территория, недостаточно руководствоваться только потребностями текущего момента. Тут нельзя просто взять валовую систему урожая и разделить ее на количество населения. (...) Величина территории имеет значение для государства не только с точки зрения чисто продовольственной, но и еще и с точки зрения военной и общеполитической. (...)

Что касается нашего немецкого народа, то надо сказать, что Германия может обеспечить свое будущее только в качестве мировой державы. (...) Германия ныне не является мировой державой. (...) Если взять только размер территорий, то германское государство имеет до смешного малое значение по сравнению с так называемыми «мировыми державами».

(...) Если национал-социалистическое движение действительно хочет взять на себя великую историческую миссию, мы прежде всего обязаны понять всю тяжесть нашего современного положения, как бы горько оно ни было, а затем смело и планомерно повести борьбу против той бездарной и бесплодной иностранной политики, которую до сих пор наши государственные деятели навязывали Германии. Мы должны освободиться от всяких традиций и предрассудков, должны найти в себе мужество объединить весь наш народ и двинуться по той дороге, которая освободит нас от нынешней тесноты, даст нам новые земли и тем самым избавит наш народ от опасности либо вовсе погибнуть, либо попасть в рабство к другим народам.

Национал-социалистическое движение во что бы то ни стало обязано устранить существующую диспропорцию между количеством нашего народонаселения и объемом наших территорий, имея при этом в виду территорию не только как непосредственно продовольственную базу, но и как фактор защиты границ. Только тогда устраним мы безысходность нашего нынешнего положения и займем то место, на которое мы вправе рассчитывать в силу той роли, какую играли в истории. (...)

Фюрер не на шутку разошелся.

– Требование восстановления тех границ, которые существовали до 1914 г., является политической бессмыслицей, и притом такой, которая по своим размерам и последствиям равносильна преступлению. Прежде всего, наши государственные границы 1914 г. были совершенно нелогичны. Они отнюдь не были совершенны с точки зрения национального состава и они отнюдь не были целесообразны с точки зрения военно-географической. Эти границы не были продуктом определенной, заранее обдуманной политики, они в известной мере были результатом случая. Это были временные границы, а вовсе не результат законченной политической борьбы. (...)

Нет и не может быть никаких сомнений в том, что добиться восстановления границ 1914 г. можно было бы только ценою крови. Только совершенно наивные люди могут поверить в то, будто исправления версальских границ можно достигнуть путем интриг и кланчества. (...) Но если уж приходится прийти к убеждению, что интересы нашего будущего требуют величайших жертв, то независимо от соображений политической мудрости ради одних этих жертв надо поставить себе действительно достойную цель. (...)

Каждое слово, каждое предложение в его интерпретации теперь становились той почвой, на которой он созидал свой закон безжалостной борьбы против всего мира, свой закон борьбы против слабых, независимо ни от каких обстоятельств. Переступая через все, что хоть как-то было связано с человеческой моралью. И вот он входит в кураж.

– Мы, национал-социалисты, должны пойти еще дальше: право на приобретение новых земель становится не только правом, но и долгом, если без разрешения своих территорий великий народ обречен на гибель. В особенности же, если дело идет не о каком-либо негритянском народце, а о великом германском народе, – о том народе, которому мир обязан своей культурой. Дело обстоит так, что Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе. Для того же, чтобы стать мировой державой, Германия непременно должна приобрести те размеры, которые одни только могут обеспечить ей должную роль при современных условиях и гарантировать всем жителям Германии жизнь. (...)

Теперь он не просто мечтал, а делал свой первый шаг, правда, пока теоретический, выведенный не без помощи соратников, к войне на уничтожение. Отсюда настойчивый бред о жизненном пространстве между строк звучал не иначе как стратегия покорения мира.

– Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государ-

ственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев.

В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи являются отнюдь не элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории.

Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет наш немецкий меч.

Само собою разумеется, что еврейство оказывает и будет оказывать такой политике самое решительное сопротивление. Евреи лучше, чем кто бы то ни было, отдадут себе отчет в том, какое значение для них имела бы такая наша политика. Казалось бы, уже одного этого факта достаточно, что все действительно национально настроенные немцы поняли всю правильность предлагаемой нами новой ориентации. К сожалению, наделе мы видим обратное. Не только в кругах дейснационале, но и в кругах фелькише идея такой восточной политики встречает самое упорное сопротивление. При этом обычно любят ссылаться на Бисмарка. Дух Бисмарка тревожат для того, чтобы защитить политику, которая совершенно нелепа и крайне вредна для судеб немецкого народа. Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией. Это до известной степени верно. При этом, однако, забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал хорошим отношениям, например, и с Италией; что этот самый Бисмарк в свое время даже вступил в союз с Италией, дабы покрепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают того вывода, что и мы должны продолжать теперь такую политику. (...)

Гитлер с готовностью дилетанта перемешивал собственные идеи с теориями, которые ему разжевывал Гесс. В результате его блуждающая мысль недоучки упиралась именно в Восточную Европу и Европейскую Россию. Она становится центральной, отражая некое зло мирового господства, защищенное огромными пространствами от нападения любого врага. Следовательно, победив это зло, можно было править всем остальным миром!

– Не будем говорить о подлинных намерениях новых владык России. Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. (...)

– Обыкновенно на это возражают, – продолжил он после паузы, – что союз с Россией вовсе не должен еще означать немедленной войны или что к такой войне мы можем предвзительно как следует подготовиться. Нет, это не так!

Союз, который не ставит себе целью войну, бессмыслен и бесполезен. Союзы создаются только в целях борьбы. Если даже в момент заключения союза война является еще

вопросом отдаленного будущего, все равно, стороны непременно будут иметь в виду прежде всего перспективу военных осложнений. (...)

УЖЕ ОДИН ФАКТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗА МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ ОЗНАЧАЛ БЫ НЕИЗБЕЖНОСТЬ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ, ИСХОД КОТОРОЙ ЗАРАНЕЕ ПРЕДРЕШЕН. ТАКАЯ ВОЙНА МОГЛА БЫ ОЗНАЧАТЬ ТОЛЬКО КОНЕЦ ГЕРМАНИИ. (...)

Гитлер считал, что обладает даром сводить любую теорию к ее реальной сути. Будучи свободным от предрассудков и обладая крестьянской хитростью, он и на этот раз был непреклонен:

– Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа.

5

Непосредственно касаясь расовой проблемы в «Майн кампф», Гитлер утверждал, что «природа противится спариванию более слабых существ с более сильными. Но в еще большей степени противно ей смешение высокой расы с низестоящей расой. Такое смешение ставит под вопрос всю тысячелетнюю работу природы над делом усовершенствования человека». И далее он делал следующий вывод: «Таким образом, можно сказать, что результатом каждого скрещивания рас является:

а) снижение уровня более высокой расы;

б) физический и умственный регресс, а тем самым и начало хотя и медленного, но систематического вырождения.

Содействовать такому развитию означает грешить против воли всевышнего вечного нашего творца.

Но по заслугам грех этот наказывается. Идя против железной логики природы, человек вступает в конфликт с теми принципами, которым он сам обязан своим существованием. Так, его борьба против природы неизбежно приводит к его собственной гибели».

Прочитаешь это утверждение и некоторые предыдущие – и возникает вполне закономерный вопрос: откуда у ефрейтора и недоучившегося школьника такие «необъятные познания»? Но все, оказывается, очень просто. По мнению специалистов, «предтечами нацистского движения в Германии» стали Мальтус, Дарвин, Ницше, Гобино и Чемберлен. Вот что пишут эти специалисты: «Когда вчитываешься в сочинения этих людей, неожиданно натываешься на мысли, позволяющие приблизиться к разгадке как личности Гитлера, так и источника происхождения постыдной философии нацизма. Их учения, дополняя друг друга, словно элементы мозаики, породили одну идеологию ненависти. Именно она стала своеобразным катализатором, ускорившим созревание в их воспаленном мозгу дьявольской теории ненависти».

Итак, Томас Роберт Мальтус (1766–1834), британский экономист, демограф и социальный философ, снискавший известность благодаря «закону народонаселения».

«Главная идея мальтусовской теории о народонаселении заключается в том, что население нашей планеты растет настолько быстро, что невозможно его обеспечить должным образом продуктами питания. А отсюда и неизбежная нищета.

Если принять теорию Мальтуса как объективную данность, то конфликты, эпидемии и голод, препятствующие росту населения, в конечном итоге – благо. Стало быть, такие явления как войны, различного рода мор и голод, сопровождающиеся колоссальными опустошениями, действуют как механизмы выживания, предотвращая перенаселение. Следовательно, утверждает он, проявляя поразительную гибкость мышления, мы не должны вмешиваться в подобный нормальный, естественный и благородный ход событий.

Как факт, теория Мальтуса стала первым краеугольным камнем в основании нацистской политической философии».

Чарльз Дарвин (1809–1882)

«В своих исследованиях Дарвин первоначально обращался к животному миру. Его основополагающая теория состояла в том, что различные виды животных, которые он изучил, сформировались в ходе естественного отбора. Согласно Дарвину, животные приспособляются к существующим условиям окружающей среды и в ходе естественного отбора выживают только самые сильные и лучше всего приспособленные для жизни». И все бы ничего, если бы некоторые последователи Дарвина не перемешали его теорию естественного отбора с положениями мальтусовской теории о народонаселении.

Как факт, «именно социальный дарвинизм явился главной теоретической предпосылкой возникновения идеологии германского нацизма. Вскоре после появления исследований Дарвина стали возникать новые опасные идеи. Среди них – понятие о “социальной гигиене”. “Социальная гигиена” заняла прочное место в идеологии и практике нацизма».

Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900)

«Основу философии Ницше можно свести к нескольким основополагающим идеям...

1. Нравственные ценности и добродетели (такие, как доброта и милосердие) – полная бессмыслица.
2. Мир в действительности не имеет цели; он абсурден и его нельзя понять.
3. Женщина – это низшее существо.
4. Единственный тип человека, которым следует восхищаться, – это “сверхчеловек”. Он характеризуется склонностью к войне, он крепок физически и силен духом.

Ницше благоволил к утонченной аристократии, принимающей поклонение людей слабых и рабов как должное.

5. Некоторые народы обладают превосходством над другими народами».

Как факт, «Ницше не только внес свой вклад в формирование человеконенавистнической политики нацизма, он практически стал ее символом».

Жозеф-Артюр, граф де Гобино (1816–1892)

Этот французский дипломат и писатель в своей четырехтомной работе, озаглавленной «Эссе о неравенстве человеческих рас», опровергал идею о равенстве различных человеческих рас и страстно доказывал и пропагандировал превосходство «арийской» расы».

Как факт, «эта работа разожгла расовый фанатизм нацистов. Гобино превозносил идею об “исключительном человеке” или “сверхчеловеке”, что заставило некоторых историков называть Гобино первым значительным идеологом расизма».

Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927)

Философ и муж дочери композитора Рихарда Вагнера (которого обожал Гитлер). В своей работе «Основания девятнадцатого века» защищал учение о расовом превосходстве Гобино.

«Чемберлен имел поразительно неверное представление об истории Европы, которую он интерпретировал как историю битв между расами. Он полагал, что в этих сражениях только одна раса достойна выживания».

Как факт, «наиболее опасным» Чемберлену представлялось смешение арийской расы с другими расами. Не благодаря ли всем этим господам Гитлер заявлял: «Ариец является Прометеем человечества. Его ясная голова была одарена божьей искрой гения, ему дано было возжечь первые огоньки человеческого разума, ему первому удалось бросить яркий луч света в темную ночь загадок природы и показать человеку дорогу к культуре, научив его таинству господства над всеми остальными живыми существами на этой земле. Попробуйте устранить роль арийской расы на будущие времена и, быть может, уже всего через несколько тысячелетий земля опять будет погружена во мрак, человеческая культура погибнет и мир опустеет».

Арийцу же он противопоставлял иудеям. «Ни у одного другого народа в мире инстинкт самосохранения не развит в такой степени, как у так называемого “избранного народа”. Доказательством этому служит один факт существования этой расы на земле. Где вы найдете еще один такой народ, который в течение последних двух тысяч лет претерпел бы так мало изменений в смысле характера, внутреннего мира и т. д.? Какой еще другой народ, принимая участие в столь громадных переворотах, тем не менее вышел из всех катастроф человечества таким же, каким был и раньше? Что за бесконечно цепкая воля к жизни, к сохранению своего рода и вида!» – писал он в «Майн кампф». Вот так вот, потихоньку, издалека Гитлер снова подбирался к России, чтобы сказать: «Самым страшным примером в этом отношении

является Россия, где евреи в своей фанатичной дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, – и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов. Однако конец свободе поработанных евреями народов становится вместе с тем концом и для самих этих паразитов. После смерти жертвы раньше или позже издыхает и сам вампир».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.